

Научно-практический электронный журнал

МОЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА

ISSN 2658-7998

9 772658 799001 >

**Выпуск №87 (том 1)
(август, 2026)**

Международный научно-практический
электронный журнал «МОЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА»

Сайт: mpcareer.ru

ISSN 2658-7998

УДК 001

ББК 94

Международный научно-практический электронный журнал «МОЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА». Выпуск №87 (том 1) (август, 2026). Дата выхода в свет: 31.08.2026.

Сборник содержит научные статьи отечественных и зарубежных авторов по экономическим, техническим, философским, юридическим и другим наукам.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU). Лицензионный договор № 284-07/2019 от 30 июля 2019 г.

Миссия научно-практического электронного журнала «МОЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА» состоит в поддержке интереса читателей к оригинальным исследованиям и инновационным подходам в различных тематических направлениях, которые способствуют распространению лучшей отечественной и зарубежной практики в интернет пространстве.

Целевая аудитория журнала охватывает представителей экспертного сообщества, докторов, преподавателей, научных сотрудников, бакалавров, магистрантов, аспирантов и иных лиц, интересующихся вопросами, освещаемыми в журнале.

Материалы публикуются в авторской редакции. За соблюдение законов об интеллектуальной собственности и за содержание статей ответственность несут авторы статей. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

© ООО «МОЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА»

© Коллектив авторов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пестерев С.В. – гл. редактор, отв. за выпуск

Батурин Сергей Петрович	кандидат исторических наук, доцент
Боброва Людмила Владимировна	кандидат технических наук, доцент
Богданова Татьяна Владимировна	кандидат филологических наук, доцент
Данилова Анна Александровна	кандидат исторических наук, доцент
Демьянова Людмила Михайловна	кандидат медицинских наук, доцент
Дуянова Ольга Петровна	кандидат медицинских наук, доцент
Еремеева Людмила Эмировна	кандидат технических наук, доцент
Засядько Константин Иванович	доктор медицинских наук, профессор
Колесников Олег Михайлович	кандидат физико-математических наук, доцент
Копеин Валерий Валентинович	доктор экономических наук, профессор
Коробейникова Екатерина Викторовна	кандидат экономических наук, доцент
Кудряшова Ирина Анатольевна	доктор экономических наук, профессор
Ланцева Татьяна Георгиевна	кандидат экономических наук, доцент
Нобель Артем Робертович	кандидат юридических наук, доцент
Ноздрина Наталья Александровна	кандидат педагогических наук, доцент
Павлов Евгений Владимирович	кандидат исторических наук, доцент
Петрова Юлия Валентиновна	кандидат биологических наук, доцент
Попов Сергей Викторович	доктор юридических наук, профессор
Сидунова Галина Ивановна	доктор экономических наук, профессор
Табашникова Ольга Львовна	кандидат экономических наук, доцент
Таспанова Жыгагул Кенжебаевна	доктор философии по педагогическим наукам
Тюрин Александр Николаевич	кандидат географических наук, доцент
Усубалиева Айнура Абдыжапаровна	кандидат социологических наук, доцент
Фаттахова Ольга Михайловна	кандидат технических наук, доцент
Филимонова Елена Анатольевна	кандидат экономических наук, доцент
Филимонюк Людмила Андреевна	доктор педагогических наук, профессор
Фролова Тамара Валериевна	кандидат экономических наук, доцент
Холин Александр Николаевич	кандидат технических наук, доцент
Юрин Владимир Михайлович	кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

Название научной статьи, ФИО авторов	Номер страницы
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ	
СТАТУС ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ Мехтиева М.Б.	5
ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИСПАНСКО-РУССКО-УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ Хамракулова Б.А., Хайдарова Д.З.	13
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ Хамракулова Б.А., Хайдарова Д.З.	28
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ Гылычмырадова Г., Гелдимырадова О., Халлыева Г.	38
ФИЗИКА В ВОЕННОМ ВУЗЕ – МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ Жидкова Е.Ю.	42
АНТРОПОГЕННАЯ НАГРУЗКА НА ПРИРОДНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ ТУРКМЕНИСТАНА Атаев Э.	46
ПОДКАСТИНГ КАК СОВРЕМЕННЫЙ СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ Улейко К.И.	50
ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ПРАВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ МЕР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ АВАРИЙНЫХ РАЗЛИВОВ НЕФТИ Чеглакова В.Н.	58
ПРОЦЕДУРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА Кудрявцева Е.А.	74
УЧАСТНИКИ И ОСНОВАНИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА Кудрявцева Е.А.	80

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ

УДК 81

Мехтиева М.Б.

АГПУ, доктор философии по филологии, старший преподаватель

ID 0009 0005 0068 4590

СТАТУС ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В отличие от двусоставных предложений, односоставные предложения формируются на основе лишь одного из главных членов предложения; наличие второго главного члена в них не требуется. В односоставных предложениях подлежащее и сказуемое не выступают как отдельные грамматические единицы; напротив, они сосредоточены вокруг одного главного члена. Именно из-за отсутствия одного из главных членов такие предложения и называются «односоставными».

Существует четыре типа односоставных предложений: безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и назывные. Безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения могут выступать в качестве частей сложного предложения, тогда как назывные предложения в составе сложных предложений не используются.

Изучение односоставных предложений в тюркских языках получило широкое развитие после 1940 года. Существующие исследования выявляют ряд дискуссионных вопросов, касающихся данной темы. В одних источниках односоставные предложения классифицируются по способу выражения сказуемого. В других же источниках определенные типы односоставных предложений (безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные) классифицируются по степени неопределенности подлежащего, назывные предложения — по содержанию, а предложения-слова — по форме; следует

отметить, что эта классификация принята многими тюркологами. В третьих источниках односоставные предложения делятся на две обширные группы: сформированные на основе подлежащего и сформированные на основе сказуемого.

З.Будагова отмечает, что классифицировать односоставные предложения на основе названия того члена предложения, которому соответствует их единственный главный член, некорректно, поскольку такие предложения содержат лишь один главный член. Исследовательница также подчеркивает, что при делении односоставных предложений на «односоставные предложения без подлежащего» и «односоставные предложения без сказуемого» термины «подлежащее» и «сказуемое» используются условно.

Сказуемое односоставного предложения отличается от сказуемого двусоставного предложения тем, что оно соотносится как с подлежащим, так и со сказуемым. Аналогичным образом, подлежащее односоставного предложения выражает понятие, относящееся и к подлежащему, и к сказуемому.

Рассматривая односоставные предложения, А. А. Шахматов брал этот термин — так же как и термины «подлежащее» и «сказуемое» — в кавычки. В. Виноградов также придерживался мнения, что использование терминов «подлежащее» и «сказуемое» в контексте односоставных предложений неуместно. По словам А. Аннанурова, в некоторых работах односоставные предложения называют «неопределенно-личными предложениями» [1, с. 258].

Сказуемое обобщенно-личного предложения иногда может быть выражено формой первого лица единственного числа. Например: «Позволь мне назвать тебе свое имя, позволь мне оставить тебя томящимся от страсти». В таких предложениях понятие «я» охватывает всех.

К. Кязимов отмечает необходимость различать подлежащее обобщенно-личного предложения (в котором сказуемое стоит во втором лице единственного числа) и подлежащее полных двусоставных предложений, опущенное в силу агглютинативного характера языка или по стилистическим соображениям.

Стоит также отметить, что добавление подлежащего к обобщенно-личному предложению позволяет сузить его значение, а конкретизация подлежащего превращает его в двусоставное предложение.

Отсутствие подлежащего в обобщенно-личных предложениях не означает их неполноты. Такие предложения считались бы неполными лишь в том случае, если бы в них были пропущены сказуемое или второстепенные члены предложения.

Профессор Б. Халилов отмечает, что в обобщенно-личных предложениях, когда сказуемое стоит в форме второго лица единственного числа, компонент, предшествующий сказуемому, часто употребляется в форме условного наклонения: *Əzməsən, əziləcsəksən; ayaqlamasan, ayaqlanacaqsa* [2, с. 196].

Содержание неопределенно-личных предложений относится к неопределенному лицу. Суффикс *-lar*, используемый в сказуемых таких предложений, служит для передачи оттенка неопределенности, а не множественного числа. Сказуемые неопределенно-личных предложений могут употребляться в настоящем времени, будущем времени (определенном или неопределенном) или прошедшем времени. Например: *Səndən soruşurlar* (настоящее время); *Uşaq deyiləm ki, məni tutub yeməyəcəklər* (определенное будущее время); *Mənə də Sevil deyərlər* (неопределенное будущее время). Когда я услышал это слово, словно пуля вонзилась мне в сердце.

3. Будагова отмечает, что эллиптические предложения с пропущенным подлежащим в третьем лице на первый взгляд напоминают неопределенно-личные предложения. Однако она указывает на различие: в эллиптических предложениях пропущенное подлежащее присутствует в предшествующем предложении, тогда как в неопределенно-личных предложениях определить подлежащее по предшествующему контексту невозможно и не требуется. Если пропуск подлежащего в эллиптическом предложении является вопросом стилистического выбора, то отсутствие подлежащего в неопределенно-личных предложениях служит определенной цели.

Следует отметить, что в некоторых работах определенные типы обобщенно-личных предложений классифицируются как неопределенно-личные. Например, А. Аннануров относит некоторые обобщенно-личные предложения к неопределенно-личным.

З.Будагова также подчеркивает необходимость разграничивать неопределенность деятеля в неопределенно-личных предложениях и неопределенность, свойственную двусоставным предложениям, в которых подлежащее выражено неопределенным местоимением. Из-за неопределенности подлежащего неопределенно-личные предложения на первый взгляд напоминают безличные. А. М. Пешковский объясняет это различие следующим образом: безличные предложения резко отличаются от неопределенно-личных. В неопределенно-личностном предложении глагол сохраняет значение, связанное с его лицом и числом.

Безличные предложения представляют собой одну из разновидностей односоставных предложений. В них отсутствует грамматическое подлежащее, причем оно не может быть даже подразумеваемым. Термин «лицо» употребляется в двух значениях: как субъект действия (агент) и как грамматическое лицо. Первое соответствует понятию «субъект» (агент), а второе — понятию «грамматическое подлежащее». З. Будагова отмечает, что понятие «безличность» предполагает отсутствие — и даже невозможность наличия — грамматического подлежащего. Безличность и отсутствие агента — это разные понятия; безличные предложения часто подразумевают наличие агента, хотя он и не выражен в форме грамматического подлежащего [1, с. 266].

По мнению А. П. Почулуевского, безличные предложения семантически подразделяются на неопределенно-личные, обобщенно-личные и собственно безличные; все они рассматриваются как разновидности безличных предложений [1, с. 267]. Комментируя этот подход, З. Будагова пишет, что данная классификация в определенной мере обоснована. Общей чертой, объединяющей эти типы предложений, является отсутствие в них грамматического подлежащего. Однако, поскольку природа отсутствия

подлежащего в этих типах предложений различается, некорректно объединять неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные предложения под общим термином «безличные»; правильнее рассматривать их как особые виды односоставных предложений [1, с. 267].

Профессор Г. Кязимов пишет о безличных предложениях: «В школьных учебниках безличные предложения традиционно определяются как предложения, "в которых отсутствует подлежащее и его невозможно даже помыслить". Однако отсутствие подлежащего не является определяющим критерием безличности предложения. Подлежащее отсутствует и во многих эллиптических предложениях, а также в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях. В эллиптическом предложении подлежащее может быть восстановлено из контекста. В то же время неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения предполагают наличие субъекта, пусть даже неопределенного или обобщенного по своей сути».

Однако в безличных предложениях отсутствует понятие обособленного подлежащего, поскольку объект мысли, который могло бы выражать подлежащее, принимает на себя показатели предикативности и выступает в роли сказуемого [3, с. 628].

Исследователь указывает на ряд сходств между номинативными и эллиптическими предложениями. Он отмечает, что оба типа предложений могут состоять из одного слова или словосочетания. Автор подчеркивает, что эллиптические предложения употребляются преимущественно в разговорной речи, тогда как номинативные чаще всего встречаются в авторском повествовании в художественных произведениях. Также отмечается, что эллиптические предложения, состоящие только из подлежащего, на первый взгляд напоминают номинативные. Однако в действительности такие эллиптические предложения функционируют как ответ на предшествующее высказывание — черта, не свойственная номинативным предложениям.

З. Будагова отмечает, что в некоторых научных трудах классификация номинативных предложений по принципу «подлежащее — сказуемое» считается

неуместной; вместо этого слово, составляющее ядро таких предложений, именуется просто «главным членом» [1, с. 276]. По мнению исследователя, термины «сказуемое» и «подлежащее» могут применяться к таким предложениям лишь условно, поскольку наличие одного элемента предполагает существование другого. Главный компонент этих конструкций напоминает грамматическое подлежащее лишь по формальному признаку — а именно по употреблению в именительном падеже. Слово в именительном падеже в составе двусоставного предложения нельзя отождествлять со словом в той же падежной форме в составе номинативного предложения.

В двусоставном предложении слово в именительном падеже связано со сказуемым. В односоставном же предложении слово, выраженное тем же падежом, со сказуемым не связано.

Исследователь отмечает, что отнесение таких наименований — например, названий произведений, газет, журналов, учреждений и конкретных заглавий — к категории предложений является предметом дискуссий. Так, в книге «Грамматика азербайджанского языка» (Синтаксис, 1959) они представлены как номинативные предложения. В своей книге «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматов опровергает мнение тех, кто классифицирует подобные конструкции как номинативные предложения [1, с. 277]. З. Будагова также утверждает, что номинативные предложения выражают законченную мысль, и подчеркивает, что названия газет, журналов и тому подобное — не передающие законченной мысли — на самом деле являются словосочетаниями. Эту точку зрения подтверждает профессор А. Абдуллаев [4, с. 248], а профессор Б. Халилов считает ее обоснованной [2, с. 199]. Профессор Г. Кязимов также относит их к особому типу номинативных предложений [3, с. 636].

Иногда с номинативными предложениями путают и приложения в именительном падеже. Их объединяет то, что они выражены в именительном падеже. Различие же заключается в том, что номинативное предложение не поясняет предшествующее предложение или какую-либо его часть. Элемент *əlavə* (дополнительный элемент) относится либо к предшествующим

предложениям в целом, либо к их конкретной части, поясняя или уточняя их с различных точек зрения. Исследователь также отмечает, что из-за повтора подобные структуры могут внешне напоминать номинативные предложения. Компонент, использованный в предыдущем предложении, повторяется в последующем, тем самым акцентируя внимание на данном слове.

Номинативные предложения чаще всего выражаются существительным, числительным, инфинитивом или именным словосочетанием. Например: Июнь. 1953-й год; Умереть, найти избавление! Просторный город, недавно построенный дом культуры.

В ряду номинативных предложений последующее может служить пояснением к предыдущему: *Солнце — летнее солнце.*

З.Будагова также рассматривает номинативные предложения, выполняющие функцию обращений. Она отмечает, что иногда вся мысль концентрируется вокруг обращения; оно становится содержательно насыщенным и приобретает новые формальные признаки, часто выделяясь особой интонацией. Такие предложения чаще всего употребляются в торжественных контекстах: *О, бедная, несчастная душа.*

Профессор Б. Халилов отмечает точку зрения, согласно которой некоторые номинативные предложения фактически могут быть образованы на основе предиката. В таких случаях понятия времени, места, события или процесса — играющие ведущую роль — соответствуют предикату. Именно эта особенность приводит к выводу, что определенные номинативные предложения происходят от предикативной структуры. Примеры: *Дом Аслана. Утро. Рассвет. Темнота. Непроглядная тьма. Снова та же комната.* В связи с этим профессор К. Кязимов пишет: «...подобная классификация — результат недостаточного внимания к семантике номинативных предложений. В номинативных предложениях называется носитель признака или субъект действия, а их существование утверждается посредством интонации. Предикативное качество легче приписать одним из них, тогда как другим оно может быть придано лишь с едва уловимым стилистическим оттенком» [3, с. 635].

Исходя из функционального назначения, профессор К. Кязимов делит номинативные предложения на четыре группы: описательные, указательные, оценочные и особые. Описательные номинативные предложения используются преимущественно в начале литературных произведений, в частности в авторских ремарках к пьесам. Указательные номинативные предложения употребляются главным образом в устной речи. Оценочные номинативные предложения встречаются преимущественно в языке художественной литературы, передавая эмоциональное отношение к предмету через мимику и интонацию. К особым номинативным предложениям относятся названия книг, газет, журналов, статей и глав книг, а также наименования учреждений и организаций. З. Будагова эти типы не рассматривает.

Литература

1. Современный азербайджанский язык. Часть III, Синтаксис, Баку, 1981, 442 с.
2. Современный азербайджанский язык. Синтаксис, Баку, 2017, 428 стр.
3. Казимов К.Ш. Грамматика азербайджанского языка, Баку, 2017, 944 стр.
4. Халилов Б. Современный азербайджанский язык. Синтаксис, Баку, 2007, 424 с.

© Мехтиева М.Б., 2026

Хайдарова Д.З.

Старший преподаватель кафедры
теоретических наук испанского языка

Узбекский государственный университет мировых языков

Узбекистан, Ташкент

Хамракулова Б.А.

Старший преподаватель кафедры
теоретических наук испанского языка

Узбекский государственный университет мировых языков

Узбекистан, Ташкент

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИСПАНСКО-РУССКО-УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы достижения эквивалентности при переводе дипломатической терминологии с испанского языка на русский и узбекский языки. Рассматриваются современные подходы к пониманию переводческой эквивалентности применительно к дипломатическому дискурсу, выявляются лингвистические, прагматические и институциональные факторы, влияющие на адекватность перевода дипломатических терминов. Особое внимание уделяется сопоставительному анализу дипломатической терминологии испанского, русского и узбекского языков, а также переводческим стратегиям, обеспечивающим сохранение смысловой, функциональной и коммуникативной эквивалентности. На основе анализа дипломатических документов, международно-правовых актов и официальной корреспонденции предлагается авторская классификация уровней эквивалентности дипломатической терминологии. Полученные результаты могут быть использованы в практике подготовки переводчиков, специалистов в

области международных отношений и преподавания перевода дипломатического дискурса.

Ключевые слова: дипломатическая терминология, переводческая эквивалентность, дипломатический дискурс, испанский язык, русский язык, узбекский язык, переводческие трансформации, прагматическая адаптация, дипломатический перевод.

Abstract. The article examines the problem of achieving equivalence in the translation of diplomatic terminology from Spanish into Russian and Uzbek. It analyzes contemporary approaches to translation equivalence in diplomatic discourse and identifies linguistic, pragmatic, and institutional factors influencing the adequacy of diplomatic translation. Particular attention is paid to the comparative analysis of diplomatic terminology in Spanish, Russian, and Uzbek, as well as to translation strategies that ensure semantic, functional, and communicative equivalence. Based on the analysis of diplomatic documents, international legal acts, and official correspondence, the study proposes an original classification of the levels of equivalence in diplomatic terminology. The findings may be applied in translator training, international relations studies, and the teaching of diplomatic translation.

Keywords: diplomatic terminology, translation equivalence, diplomatic discourse, Spanish, Russian, Uzbek, translation strategies, pragmatic adaptation, diplomatic translation.

Введение. Современная дипломатическая коммуникация представляет собой сложную систему официального межгосударственного взаимодействия, в которой языковые средства выполняют не только информативную, но и политико-правовую, прагматическую и протокольную функции. Любой дипломатический документ – международный договор, совместное заявление, дипломатическая нота или меморандум – является не просто текстом официально-делового стиля, а юридически и политически значимым документом, языковое оформление которого непосредственно влияет на интерпретацию позиции государства и характер международных отношений.

В условиях активного развития сотрудничества Республики Узбекистан с испаноязычными государствами возрастает потребность в высококвалифицированных переводчиках, способных адекватно передавать дипломатическую терминологию с учетом особенностей различных правовых и культурных систем. В последние годы заметно увеличилось количество двусторонних соглашений между Узбекистаном и Королевством Испания, странами Латинской Америки, а также международными организациями, в которых испанский язык является одним из официальных языков. В связи с этим проблема достижения эквивалентности дипломатической терминологии приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Следует отметить, что дипломатическая терминология отличается высокой степенью стандартизации, устойчивостью употребления и тесной связью с международным правом. Вместе с тем даже при наличии официально закрепленных терминов переводчик сталкивается с многочисленными трудностями, обусловленными различиями национальных дипломатических традиций, особенностями функционирования государственных институтов, отсутствием прямых терминологических соответствий и прагматической спецификой дипломатического дискурса. Именно поэтому достижение эквивалентности в дипломатическом переводе невозможно свести к механическому подбору словарных аналогов. Оно предполагает комплексный анализ лексического значения, функциональной нагрузки, коммуникативной цели и институционального статуса переводимой единицы.

Понятие эквивалентности занимает центральное место в современной теории перевода. В отечественном переводоведении данная проблема получила фундаментальное освещение в трудах Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера и других исследователей. В зарубежной научной традиции различные аспекты переводческой эквивалентности рассматривались Уртадо Альбир, Гарсия Йебра, Васкес Айора и другими учеными [1; 2; 5; 6; 7]. Несмотря на значительное количество исследований, вопросы достижения эквивалентности в

дипломатическом переводе, особенно в сочетании испанского, русского и узбекского языков, остаются недостаточно разработанными.

В последние годы заметный вклад в изучение дипломатической терминологии внесли исследования Д.З. Хайдаровой, посвященные вопросам формирования дипломатической терминологической системы, сравнительно-типологическому анализу дипломатических терминов, особенностям дипломатического перевода и адаптации дипломатической терминологии в национальных языках [14–18]. В работах автора показано, что дипломатическая терминология представляет собой динамично развивающуюся подсистему языка, отражающую изменения в международных отношениях и внешнеполитической практике государств. Вместе с тем проблема достижения эквивалентности дипломатических терминов в трехязычной системе «испанский – русский – узбекский» до настоящего времени не являлась предметом самостоятельного комплексного исследования.

Следует отметить, что большинство существующих исследований посвящено главным образом структурно-семантической характеристике дипломатических терминов, истории их формирования или классификации дипломатической лексики. Значительно меньше внимания уделяется вопросам функциональной эквивалентности, институциональной обусловленности перевода и прагматической адаптации дипломатической терминологии. Между тем именно данные аспекты определяют успешность профессионального перевода официальных дипломатических документов.

В настоящем исследовании дипломатическая терминология рассматривается как особая функциональная подсистема языка международных отношений, в которой каждая терминологическая единица одновременно обладает лексическим, юридическим, институциональным и коммуникативно-прагматическим содержанием. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционного понимания эквивалентности как простого совпадения значений слов и рассматривать ее как многоуровневую категорию, включающую

терминологическое, семантическое, функциональное и прагматическое соответствие.

Целью настоящей статьи является выявление основных проблем достижения эквивалентности при переводе дипломатической терминологии с испанского языка на русский и узбекский языки, а также разработка системы переводческих стратегий, обеспечивающих адекватную передачу дипломатической терминологии в межкультурной коммуникации.

Научная новизна исследования заключается в разработке авторской модели четырехуровневой эквивалентности дипломатической терминологии, учитывающей не только семантическое соответствие терминов, но и их институциональную обусловленность, функциональную специфику и прагматическое воздействие в дипломатическом дискурсе. Предлагаемая модель позволяет комплексно оценивать качество перевода дипломатических текстов и может служить теоретической основой для подготовки переводчиков-международников.

Понятие эквивалентности является одной из фундаментальных категорий современной теории перевода. Несмотря на длительную историю изучения данной проблемы, среди исследователей до настоящего времени отсутствует единая точка зрения относительно критериев переводческой эквивалентности, степени допустимых преобразований текста оригинала и соотношения понятий «эквивалентность» и «адекватность». Особенно актуальными эти вопросы становятся при переводе дипломатической терминологии, где каждая языковая единица выполняет не только номинативную, но и правовую, политическую и коммуникативно-прагматическую функции.

Л.С. Бархударов определял эквивалентность как сохранение инвариантной информации исходного текста независимо от применяемых переводческих трансформаций [1]. Данное положение сохраняет свою актуальность и применительно к дипломатическому переводу, поскольку дипломатический документ представляет собой официальное выражение позиции государства, а

любое изменение содержания может повлечь изменение его юридической интерпретации.

В.Н. Комиссаров рассматривал эквивалентность как многоуровневое явление, выделяя различные уровни сохранения содержания оригинала — от коммуникативной цели до отдельных языковых единиц [2]. Такой подход особенно продуктивен при анализе дипломатической терминологии, поскольку позволяет учитывать одновременно лексическое значение термина, его функциональное назначение и роль в дипломатическом дискурсе.

В зарубежном переводоведении значительное влияние оказала концепция динамической эквивалентности Уртадо Альбир, согласно которой перевод должен обеспечивать одинаковый коммуникативный эффект у адресата текста перевода и текста оригинала [6]. Однако применительно к дипломатическому переводу данный принцип требует определенной корректировки. В дипломатическом дискурсе целью перевода является не столько достижение одинаковой эмоциональной реакции адресата, сколько максимально точное воспроизведение официальной позиции государства и сохранение юридической силы документа.

Гарсия Йебра, разграничивая семантический и коммуникативный перевод, отмечал, что выбор переводческой стратегии определяется функциональным назначением текста [5]. Если художественный перевод допускает определенную свободу интерпретации, то дипломатические документы требуют преимущественно семантической точности при сохранении стилистических особенностей официально-делового дискурса.

Сходную позицию занимает Васкес Айора, рассматривающая перевод как целенаправленную деятельность, ориентированную на выполнение определенной коммуникативной функции [7]. Согласно функционалистскому подходу, эквивалентность определяется не только совпадением языковых единиц, но и сохранением цели коммуникации. Данный принцип представляется особенно значимым для дипломатического перевода, поскольку большинство дипломатических документов создается с целью регулирования международных

отношений, достижения политического компромисса или фиксации официальной позиции государства.

Следовательно, анализ существующих концепций показывает, что традиционное понимание эквивалентности как совпадения словарных значений оказывается недостаточным применительно к дипломатической терминологии. Дипломатический термин функционирует одновременно в нескольких семантических плоскостях: языковой, юридической, институциональной и прагматической. Именно поэтому перевод дипломатических документов требует комплексного подхода к определению эквивалентности.

В исследованиях последних лет особое внимание уделяется функционально-прагматическим особенностям дипломатической терминологии. Как справедливо отмечает Д.З. Хайдарова, дипломатический термин представляет собой результат длительного исторического развития международных отношений и отражает специфику дипломатической практики конкретной эпохи [12]. По мнению исследователя, дипломатическая терминология характеризуется высокой степенью стандартизации, международной унификацией и устойчивостью употребления, однако одновременно остается открытой системой, активно пополняющейся новыми понятиями под влиянием изменений мировой политической ситуации [13].

Развивая данную точку зрения, можно отметить, что эквивалентность дипломатической терминологии должна рассматриваться не как статическая категория, а как динамический процесс поиска наиболее адекватного соответствия в конкретной коммуникативной ситуации. Особенно отчетливо это проявляется при сопоставлении испанского, русского и узбекского языков, принадлежащих к различным языковым семьям и отражающих различные дипломатические традиции.

Сравнительный анализ показывает, что значительная часть испанских дипломатических терминов имеет международное происхождение и восходит к французской или латинской дипломатической традиции. Однако пути их адаптации в русском и узбекском языках существенно различаются. Русская

дипломатическая терминология исторически формировалась под влиянием французского и немецкого дипломатического языка, тогда как современная узбекская терминологическая система активно развивается преимущественно на основе международного права, национального законодательства и официальной терминологии Республики Узбекистан. Данное обстоятельство нередко приводит к тому, что испанскому термину соответствует один русский эквивалент и несколько возможных узбекских вариантов, различающихся степенью нормативности и сферой употребления.

В качестве примера можно рассмотреть испанский термин *misión diplomática*. На первый взгляд он не вызывает трудностей перевода, поскольку русский язык располагает устойчивым эквивалентом «дипломатическая миссия», а узбекский — *diplomatik missiya*. Однако анализ официальных документов показывает, что в зависимости от контекста данный термин может обозначать как дипломатическое представительство государства в целом, так и конкретную дипломатическую делегацию, направленную для выполнения определенной международной задачи. В таких случаях буквальный перевод уже не обеспечивает полного совпадения содержания, поскольку выбор русского и узбекского соответствия определяется не словарным значением термина, а его функцией в конкретном документе.

Аналогичная ситуация наблюдается при переводе термина *representación permanente*. В документах Организации Объединенных Наций он соответствует русскому термину «постоянное представительство», тогда как в отдельных двусторонних документах может использоваться в более широком значении официального представительства государства при международной организации. Таким образом, формальная эквивалентность не всегда гарантирует функциональную идентичность переводимой единицы.

Не менее показательным является термин *plenos poderes*. В общеязыковом понимании данное словосочетание может переводиться как «полные полномочия». Однако в международном праве речь идет о специальном документе, удостоверяющем право представителя государства подписывать

международный договор. Следовательно, переводчик должен учитывать не только лексическое значение компонентов *pleno* и *poder*, но и их закрепленное международно-правовое содержание.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что дипломатическая терминология характеризуется высокой степенью институциональной обусловленности. Термин приобретает окончательное значение лишь в рамках конкретной дипломатической системы, международно-правового документа или официальной практики дипломатических отношений. Именно поэтому при переводе дипломатических документов использование общезыковых словарей оказывается недостаточным. Переводчик должен опираться на международно-правовые документы, официальную терминологию министерств иностранных дел, международных организаций и дипломатических представительств.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существующие концепции переводческой эквивалентности нуждаются в дальнейшем развитии применительно к дипломатической терминологии. Традиционные модели эквивалентности ориентированы преимущественно на языковой уровень текста и недостаточно учитывают институциональную природу дипломатического дискурса. В связи с этим представляется целесообразным рассматривать эквивалентность дипломатической терминологии как комплексное явление, включающее несколько взаимосвязанных уровней.

Во-первых, терминологическая эквивалентность предполагает совпадение понятийного содержания дипломатического термина. Во-вторых, семантическая эквивалентность обеспечивает сохранение его лексического значения в конкретном контексте. В-третьих, функциональная эквивалентность связана с передачей роли термина в дипломатическом документе. Наконец, прагматическая эквивалентность предполагает сохранение коммуникативного воздействия и официального характера дипломатического текста. Только совокупность перечисленных компонентов позволяет говорить о достижении полноценной переводческой эквивалентности.

Именно данная четырехуровневая модель эквивалентности, предлагаемая в настоящем исследовании, позволяет объяснить многочисленные случаи, когда формально правильный перевод оказывается функционально недостаточным, а буквальное соответствие не обеспечивает сохранения дипломатического статуса исходного документа. В дальнейшем именно эта модель будет использована для анализа испанской дипломатической терминологии и выявления основных способов достижения эквивалентности при переводе на русский и узбекский языки.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что большинство исследований дипломатической терминологии сосредоточено на описании структуры терминов, истории их формирования и классификации дипломатической лексики. Значительно меньше внимания уделяется проблеме достижения переводческой эквивалентности, особенно в трехязычной системе «испанский – русский – узбекский». Между тем именно эквивалентность определяет качество перевода дипломатических документов, поскольку терминологическая неточность способна изменить юридическое значение документа, его политическую интерпретацию и прагматическое воздействие на адресата.

В ходе исследования были проанализированы дипломатические документы Министерства иностранных дел Королевства Испания, Европейского союза, Организации Объединенных Наций, а также официальные документы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан. Сопоставительный анализ позволил установить, что трудности перевода дипломатической терминологии имеют системный характер и обусловлены различиями языковых систем, дипломатических традиций и национальных правовых институтов.

В отличие от существующих классификаций переводческих трудностей предлагается рассматривать проблемы достижения эквивалентности на четырех взаимосвязанных уровнях: терминологическом, семантическом, институциональном и прагматическом. Подобный подход позволяет объяснить

причины переводческих расхождений значительно полнее, чем традиционное деление на лексические и грамматические трансформации.

Наиболее очевидные трудности возникают при отсутствии полного терминологического соответствия между испанским, русским и узбекским языками. Например, испанский термин *Estado acreditante* в международном праве обозначает государство, направившее дипломатического представителя в другое государство. Русский эквивалент: *аккредитующее государство*; узбекский эквивалент: *akkreditatsiya qiluvchi davlat*.

На первый взгляд перевод не вызывает трудностей. Однако анализ переводов показывает, что иногда встречаются варианты *davlat yuboruvchi tomon* или *vakil yuborgan davlat*. Подобные варианты понятны с точки зрения общего языка, но они не обладают необходимой терминологической точностью и не соответствуют международной дипломатической практике.

Аналогичная ситуация наблюдается при переводе испанского *Estado receptor*. Русский язык использует нормативный термин: *государство пребывания*; тогда как узбекская дипломатическая практика закрепляет вариант: *qabul qiluvchi davlat*.

Интересно отметить, что русский и узбекский языки по-разному концептуализируют одно и то же понятие. Русский термин акцентирует место нахождения дипломатической миссии, тогда как узбекский — принимающую сторону. Несмотря на различие языковых моделей, оба варианта являются функционально эквивалентными. Подобные случаи подтверждают вывод Д.З. Хайдаровой о том, что дипломатическая терминология развивается под влиянием национальных дипломатических традиций, сохраняя при этом международную понятийную основу [10].

Следовательно, эквивалентность достигается не посредством перевода отдельных слов, а путем передачи международно закреплённого дипломатического понятия.

Институциональная эквивалентность требует от переводчика знания структуры государственных органов, дипломатической службы и

международных организаций. Недостаточно понимать значение слов — необходимо учитывать официально закрепленные наименования учреждений. Как отмечает Д.З. Хайдарова, дипломатическая терминология представляет собой не просто совокупность специальных слов, а отражение дипломатической системы конкретного государства [9]. Именно поэтому терминологическое соответствие должно проверяться не только по словарям, но и по официальным документам министерств иностранных дел.

Наиболее сложным является прагматический аспект перевода. В дипломатической переписке значительная часть смысла выражается не отдельными словами, а степенью официальности высказывания. Например, *La Embajada tiene el honor de comunicar...* Русский вариант: *Посольство имеет честь сообщить...* Узбекский вариант: *Elchixonona ma'lum qilish sharafiga tuyassar...* Несмотря на различие языковых средств, все три конструкции выполняют одинаковую дипломатическую функцию — выражают официальный характер обращения и уважение к адресату.

Еще более показательным является выражение *La Embajada saluda atentamente...* Дословный перевод «*Посольство внимательно приветствует...*» неприемлем.

Русская дипломатическая практика использует устойчивую формулу *Посольство свидетельствует свое уважение...* Узбекский официальный стиль — *Elchixonona o'z hurmatini izhor etadi...*

Следовательно, объектом перевода является не отдельный глагол *saludar*, а вся дипломатическая формула как единая прагматическая конструкция.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что проблема достижения эквивалентности при переводе дипломатической терминологии с испанского языка на русский и узбекский языки носит комплексный характер и не может быть сведена исключительно к поиску словарных соответствий. Дипломатический термин функционирует одновременно в нескольких измерениях: лексическом, юридическом, институциональном и прагматическом. Поэтому адекватность перевода определяется не только точностью передачи

денотативного значения, но и сохранением функционального назначения термина в дипломатическом дискурсе.

Анализ испанской дипломатической терминологии показал, что основные переводческие трудности обусловлены различиями национальных дипломатических традиций, отсутствием полного терминологического соответствия, особенностями функционирования государственных институтов и прагматической спецификой официальной коммуникации. В ряде случаев буквальный перевод приводит к нарушению дипломатического протокола или изменению коммуникативной направленности документа, что свидетельствует о необходимости использования функционально-прагматического подхода к переводу.

В ходе исследования установлено, что достижение эквивалентности возможно лишь при комплексном учете четырех взаимосвязанных компонентов: терминологической точности, семантической адекватности, институционального соответствия и прагматической эквивалентности. Именно сочетание указанных факторов обеспечивает сохранение официального статуса дипломатического документа и его коммуникативной эффективности в языке перевода.

Особое значение при переводе дипломатической терминологии приобретает обращение к официальным документам международных организаций, национальным дипломатическим словарям и нормативной терминологии министерств иностранных дел. Такой подход позволяет минимизировать терминологическую вариативность и обеспечить единообразие перевода дипломатических документов.

Полученные результаты расширяют представления о механизмах достижения эквивалентности в дипломатическом переводе и могут быть использованы при подготовке переводчиков, разработке специализированных учебных курсов по дипломатическому переводу, а также при составлении испанско-русско-узбекских терминологических словарей дипломатической лексики. Перспективным направлением дальнейших исследований

представляется создание специализированного корпуса дипломатических текстов, который позволит выявить закономерности функционирования дипломатической терминологии в различных жанрах официальной международной коммуникации.

Список использованных источников и литературы

1. Бархударов Л.С. *Язык и перевод*. (Вопросы общей и частной теории перевода). Москва: Международные отношения, 1975.
2. Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение*. Курс лекций. - М.: ЭТС, 1999, 190 с.
3. Рецкер Я.И. *Теория перевода и переводческая практика*. — М., 2007, 244 с.
4. Виноградов В.С. *Введение в переводоведение*. (общие и лексические вопросы). -- М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, - 224 с.
5. García Yebra V. *Teoría y práctica de la traducción*. -Madrid: Gredos, 1982.- 1018 p.
6. Hurtado Albir A. *Traducción y traductología: Introducción a la traductología*. — 10.ª ed. - Madrid: Cátedra, 2018. - 696 p.
7. Vázquez-Ayora G. *Introducción a la traductología: Curso básico de traducción*. - Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1977. - 472 p.
8. Хайдарова Д. З. Некоторые особенности дипломатического перевода //Интернаука. – 2019. – №. 21-2. – С. 35-36.
9. Хайдарова Д. З. Терминология сегодня: концепции, тенденции и приложения //Вестник науки и образования. – 2022. – №. 2-2 (122). – С. 15-18.
10. Хайдарова Д. З. Задача переводчика дипломатического текста //Вестник науки и образования. – 2024. – №. 10 (153)-2. – С. 13-16.

11. Хайдарова Д. З., Идальго Р. М. Р. Сравнительно-типологическое исследование дипломатических терминов в испанском и узбекском языках //Журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №. 9. – С. 36-46.
12. Хайдарова Д. З. Сравнительная типологическая характеристика дипломатических терминов //Проблемы науки. – 2025. – №. 4 (91). – С. 76-80.
13. Хайдарова Д. З., Идальго Р., Марсела Р. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА //Журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №. 19 [1]. – С. 170-178.
14. Венская конвенция о дипломатических сношениях (1961).
15. Pinto-Bazurco Rittler, Ernesto. Diccionario de relaciones internacionales: diplomático, económico y jurídico. – Universidad de Lima, 1987, 452 p.

© Хамракулова Б.А., Хайдарова Д.З., 2026

Хамракулова Б.А.

Старший преподаватель кафедры
теоретических наук испанского языка

Узбекский государственный университет мировых языков

Узбекистан, Ташкент

Хайдарова Д.З.

Старший преподаватель кафедры
теоретических наук испанского языка

Узбекский государственный университет мировых языков

Узбекистан, Ташкент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема совершенствования механизмов развития коммуникативно-прагматической компетенции студентов в условиях современного высшего образования. Обосновывается необходимость перехода от преимущественно языкоориентированного обучения к организации образовательного процесса, направленного на формирование способности обучающихся эффективно и адекватно использовать языковые средства в конкретных коммуникативных ситуациях. Раскрывается сущность коммуникативно-прагматической компетенции, определяются ее основные структурные компоненты и педагогические механизмы развития. Особое внимание уделяется ситуативно-контекстному, интерактивному, деятельностному, рефлексивно-оценочному и цифровому механизмам.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, прагматическая компетенция, коммуникативно-прагматическая компетенция, студенты, высшее

образование, прагматическая адаптация, речевое взаимодействие, ситуационное обучение, рефлексия.

Введение. Современная система высшего образования ориентирована не только на передачу студентам определенного объема теоретических знаний, но и на формирование комплекса компетенций, обеспечивающих их успешную учебную, профессиональную и социальную деятельность. В этом контексте особую значимость приобретает способность будущего специалиста вступать в эффективное речевое взаимодействие, учитывать цели и условия коммуникации, социальные роли участников общения, культурные особенности и возможные последствия выбора тех или иных языковых средств.

Коммуникативная компетенция в современном образовательном пространстве рассматривается как одна из базовых характеристик профессиональной подготовки выпускника. Однако владение лексическими, грамматическими и дискурсивными средствами само по себе еще не гарантирует успешности коммуникации. Для эффективного общения необходимо умение соотносить используемые языковые средства с конкретной коммуникативной ситуацией, распознавать намерения собеседника, выбирать стратегию речевого поведения и достигать поставленной коммуникативной цели.

Именно поэтому важным направлением современной лингводидактики и педагогики становится развитие коммуникативно-прагматической компетенции. Исследования показывают, что развитие прагматической компетенции связано с преодолением межъязыковой интерференции, сокращением лингвокультурных лакун и совершенствованием способности выбирать вербальные и невербальные средства в соответствии с коммуникативной целью и условиями общения [1].

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что традиционная организация обучения нередко ориентируется преимущественно на усвоение языковых единиц и формирование отдельных речевых навыков. При этом вопросы практического использования языка в изменяющихся социальных, академических, межкультурных и профессиональных ситуациях не всегда

получают достаточное отражение в содержании обучения. В результате студент может знать языковую норму, но испытывать трудности при выборе наиболее уместной формы высказывания, определении степени вежливости, выражении согласия или несогласия, аргументации собственной позиции, просьбе, отказе или разрешении коммуникативного конфликта.

Следовательно, возникает необходимость совершенствования педагогических механизмов, обеспечивающих целенаправленное и системное развитие коммуникативно-прагматической компетенции студентов.

Материалы и методы исследования. В процессе исследования использовались методы теоретического анализа и обобщения научно-методической литературы по проблемам коммуникативной и прагматической компетенции, сравнительно-сопоставительный анализ, систематизация педагогического опыта, моделирование образовательного процесса и метод теоретического конструирования.

Методологическую основу исследования составляют компетентностный, коммуникативно-деятельностный, личностно ориентированный, контекстный и рефлексивный подходы. Компетентностный подход позволяет рассматривать коммуникативно-прагматическую компетенцию как интегративный результат обучения. Коммуникативно-деятельностный подход акцентирует внимание на формировании компетенции непосредственно в процессе речевого взаимодействия. Контекстный подход предполагает связь учебных заданий с реальными или максимально приближенными к реальности ситуациями общения. Личностно ориентированный подход учитывает индивидуальные особенности, потребности и уровень подготовки студентов, а рефлексивный подход обеспечивает осознание ими собственных коммуникативных действий и их последствий.

Сущность коммуникативно-прагматической компетенции. Коммуникативно-прагматическая компетенция представляет собой интегративную способность личности осуществлять целенаправленное,

адекватное и результативное речевое взаимодействие с учетом содержания, цели, ситуации, адресата, социального контекста и культурных норм общения.

В отличие от языковой компетенции, предполагающей владение системой языковых средств, коммуникативно-прагматическая компетенция отражает способность использовать эти средства функционально и уместно. Иными словами, студент должен понимать не только что сказать, но и кому, когда, где, с какой целью и каким способом это сказать.

Основные проблемы развития коммуникативно-прагматической компетенции студентов. Анализ образовательной практики позволяет выделить ряд факторов, препятствующих эффективному развитию рассматриваемой компетенции.

Во-первых, в учебном процессе сохраняется определенная диспропорция между изучением языковой системы и ее практическим функционированием. Значительная часть учебного времени может быть посвящена усвоению грамматических правил и лексических единиц, тогда как их использование в ситуациях реального взаимодействия остается недостаточно отработанным. Во-вторых, учебные задания иногда имеют ограниченную коммуникативную направленность. Студенту предлагается воспроизвести правило, перевести отдельное предложение или выполнить упражнение по образцу, но не всегда предоставляется возможность самостоятельно определить цель общения и выбрать наиболее эффективную речевую стратегию. В-третьих, недостаточно используется потенциал аутентичных и проблемных ситуаций. Развитие прагматической компетенции требует постоянного включения обучающегося в условия выбора, когда несколько языковых вариантов являются грамматически правильными, но только один или несколько из них соответствуют конкретному контексту. В-четвертых, существенной проблемой является недостаточное развитие рефлексивных навыков. После выполнения коммуникативного задания студент должен иметь возможность проанализировать, насколько его высказывание соответствовало поставленной цели и как оно могло быть воспринято адресатом.

Исследования, посвященные прагматическому развитию обучающихся, показывают важность регулярного контакта с языком в формальной и социальной среде, а также целенаправленной работы над прагмалингвистическими особенностями устной и письменной коммуникации.

Механизмы совершенствования развития коммуникативно-прагматической компетенции. Ситуативно-контекстный механизм. Одним из ключевых механизмов является организация обучения на основе коммуникативных ситуаций. Учебная деятельность должна строиться таким образом, чтобы студент был вынужден учитывать не только языковое содержание задания, но и параметры конкретной ситуации.

Например, студентам может быть предложено выразить одну и ту же просьбу в следующих ситуациях:

1. обращение к близкому другу;
2. обращение к преподавателю;
3. обращение к руководителю организации;
4. обращение в официальном электронном письме;
5. обращение к незнакомому человеку.

Основная задача заключается не в механическом воспроизведении одинаковой грамматической конструкции, а в выборе формы, которая будет соответствовать конкретным условиям общения.

Ситуативное моделирование способствует формированию способности быстро ориентироваться в коммуникативном контексте и принимать обоснованные речевые решения.

Интерактивно – деятельностный механизм. Развитие компетенции наиболее эффективно происходит в условиях активного речевого взаимодействия. Для этого необходимо расширять использование таких методов, как ролевые игры, деловые игры, дебаты, дискуссии, кейс-метод, проектная деятельность, решение коммуникативных проблем и моделирование профессиональных ситуаций. Особую ценность представляют задания, в которых отсутствует единственный заранее установленный ответ. Например,

студентам предлагается разрешить конфликтную ситуацию, провести переговоры, подготовить публичное выступление или достичь соглашения с партнером. Подобные задания требуют самостоятельного выбора коммуникативной стратегии и позволяют развивать прагматическую гибкость [9].

Современные исследования развития коммуникативной компетенции в высшем образовании также указывают на эффективность проблемно-ориентированных заданий, интерактивной среды и сотрудничества при формировании способности адаптировать речевое поведение к конкретным условиям.

Механизм интеграции прагматического содержания.

Прагматический компонент не должен существовать в учебном процессе как отдельный и изолированный раздел. Его необходимо интегрировать в обучение фонетике, лексике, грамматике, устной и письменной речи. Например, при изучении грамматической конструкции преподаватель должен обращать внимание не только на ее форму, но и на коммуникативную функцию. Так, изучение вопросительных конструкций может быть связано с различными прагматическими целями: получение информации; выражение просьбы; проявление вежливости; выражение сомнения; уточнение; побуждение собеседника к действию.

Такой подход позволяет преодолеть разрыв между знанием языковой формы и способностью использовать ее в реальной коммуникации. В современных исследованиях формирования коммуникативной компетенции также подчеркивается необходимость рассматривать грамматические средства как функциональный ресурс для создания смысла и организации взаимодействия, а не как изолированную систему правил.

Межкультурный механизм. Коммуникативно-прагматическая компетенция неразрывно связана с межкультурным взаимодействием. Одинаковое речевое действие в разных культурах может иметь различные формы реализации. Поэтому в образовательный процесс необходимо включать

задания, направленные на сопоставление: норм речевого этикета; способов выражения просьбы; форм обращения; стратегий отказа; способов выражения согласия и несогласия; правил ведения дискуссии; особенностей официальной и неофициальной коммуникации [10].

Особенно важным является развитие способности избегать прямого переноса коммуникативных моделей родного языка на иностранный язык без учета социокультурных особенностей [4].

Цифровой механизм. Современная цифровая образовательная среда предоставляет дополнительные возможности для развития коммуникативно-прагматической компетенции. Использование видеоматериалов, подкастов, электронных платформ, онлайн-дискуссий, виртуальных проектов и цифровых симуляторов позволяет расширить количество коммуникативных ситуаций, доступных студенту.

Цифровые технологии целесообразно использовать не как самоцель, а как средство создания интерактивной, вариативной и коммуникативно насыщенной образовательной среды.

Важным условием совершенствования рассматриваемой компетенции является организация систематической обратной связи. После выполнения коммуникативных заданий необходимо оценивать не только правильность языка, но и прагматическую адекватность высказывания [7].

Студенты также могут осуществлять самооценку и взаимооценку. Такой подход способствует развитию рефлексивного компонента и формированию ответственности за результат собственной речевой деятельности.

Педагогические условия эффективности предложенных механизмов. Для результативного развития коммуникативно-прагматической компетенции необходимо обеспечить следующие педагогические условия. Во-первых, содержание обучения должно быть ориентировано на реальные потребности студентов и учитывать сферу их будущей профессиональной деятельности. Во-вторых, необходимо обеспечить систематичность. Развитие прагматических навыков не может ограничиваться несколькими отдельными занятиями. В-

третьих, требуется увеличение доли заданий, предусматривающих самостоятельный выбор. Студент должен регулярно сталкиваться с необходимостью принимать коммуникативное решение. В-четвертых, необходимо использовать разнообразные форматы взаимодействия: индивидуальную, парную, групповую и коллективную работу. В-пятых, оценивание должно иметь комплексный характер. Следует учитывать не только грамматическую правильность, но и достижение коммуникативной цели, уместность языкового выбора и эффективность взаимодействия. В-шестых, важную роль играет профессиональная подготовка преподавателя. Преподаватель должен уметь проектировать коммуникативные ситуации, анализировать прагматические ошибки и организовывать содержательную обратную связь [6].

Систематические обзоры исследований в области развития коммуникативной компетенции у студентов подтверждают необходимость комплексного сочетания различных педагогических мер, а не применения отдельных методов вне единой методической системы.

Заключение. Таким образом, совершенствование механизмов развития коммуникативно-прагматической компетенции студентов является важным направлением модернизации образовательного процесса в высшей школе. Современный выпускник должен обладать не только системой языковых знаний, но и способностью использовать их целесообразно, адекватно и эффективно в разнообразных условиях взаимодействия.

Коммуникативно-прагматическая компетенция представляет собой сложное интегративное образование, включающее когнитивный, лингвистический, прагмалингвистический, социопрагматический, дискурсивный, стратегический и рефлексивный компоненты. Ее развитие требует перехода от преимущественно репродуктивных форм обучения к организации активной коммуникативной деятельности студентов.

Наиболее перспективными механизмами совершенствования данного процесса являются ситуативно-контекстный, интерактивно-деятельностный,

интегративный, межкультурный, цифровой и рефлексивно-оценочный механизмы. Их реализация должна носить системный характер и осуществляться на всех этапах образовательного процесса.

Следовательно, основным направлением дальнейшего совершенствования образовательной практики является создание такой учебной среды, в которой студент выступает не пассивным усвоителем языковых знаний, а активным субъектом коммуникации, способным анализировать ситуацию, выбирать стратегию речевого поведения, учитывать особенности адресата и достигать поставленной коммуникативной цели.

Список использованной литературы

1. Серебрякова А.Ю. О причинах коммуникативных неудач // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2013. Т. 10, №1. С. 98-100.
2. Абдуллаева А. Совершенствование образовательных услуг на основе управления развитием коммуникативной компетентности учащихся // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. Ташкент 2024.
3. Wang N., Ahmad N. K., Saharuddin N. Effective measures to develop undergraduates' communicative competence in English as a foreign language: a systematic review // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. 2025. Vol. 24. No. 2. P. 416–438.
4. Karimova N. Pedagogical Conditions For Preparing Students For Professional Communication // International Journal of Pedagogics. 2025. Vol. 5. P. 416–418.
5. Ayatov R. Methodology for Developing Students' Integrated Professional-Communicative Competence in EMI Settings in Higher Education // The Journal of Interdisciplinary Human Studies. 2026. DOI: 10.57033/mijournals-2026-9-0169.
6. Abduraxmatovna X. B. Fundamentos teóricos y metodológicos para el desarrollo de la competencia comunicativa y pragmática profesional de los jóvenes

docentes //Development of pedagogical creativity in modern education. – 2023. – Т. 1. – №. 1.

7. Хамракулова Б. А. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ //Вестник науки и образования. – 2026. – №. 3 (170)-2. – С. 25-28.

8. Хайдарова Д. З. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ИЗУЧАЕМЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ) //ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В XXI ВЕКЕ. – 2026. – №. 73-3 (том 1).

9. Хайдарова Д. З. Использование визуальных средств для развития языковых навыков //Молодой ученый. – 2018. – №. 18. – С. 197-199.

10. Hamrakulova B. A., Escudero P. M. TIL O ‘RGANISHDA KOMMUNIKATIV VA PRAGMATIK KOMPENSATSIYA STRATEGIYALARINING AHAMIYATI //Inter education & global study. – 2025. – Т. 3. – №. 5. – С. 277-284.

11. Hamrakulova B. Ispan tili darslarida kommunikativ kompetentsiyani rivojlantirish va uning tarkibiy qismlari //The Lingua Spectrum. – 2024. – Т. 3. – №. 1. – С. 164-170.

© Хамракулова Б.А., Хайдарова Д.З., 2026

УДК 81'27

Гылычмырадова Г.

преподаватель

Гелдимырадова О.

Халлыева Г.

Ассистент преподавателя

Туркменский государственный институт культуры

г. Ашхабад, Туркменистан

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы сохранения языковой идентичности в условиях глобализации и экспансии массовой культуры. Анализируются основные вызовы, стоящие перед национальными языками в эпоху лингвистической глобализации, а также роль массовой культуры как фактора, нивелирующего языковое разнообразие. Особое внимание уделяется противоречию между необходимостью интеграции в глобальное коммуникативное пространство и стремлением сохранить культурно-языковую самобытность.

Ключевые слова: языковая идентичность, глобализация, массовая культура, лингвистическая глобализация, национальный язык, языковая политика, культурное разнообразие.

Abstract: The article examines the problems of preserving linguistic identity in the context of globalization and the expansion of mass culture. The main challenges facing national languages in the era of linguistic globalization are analyzed, as well as the role of mass culture as a factor contributing to the leveling of linguistic diversity. Particular attention is paid to the contradiction between the need to integrate into the global communicative space and the aspiration to preserve cultural and linguistic identity.

Keywords: linguistic identity, globalization, mass culture, linguistic globalization, national language, language policy, cultural diversity.

Введение. Глобализация, охватившая все сферы общественной жизни, оказывает глубокое и неоднозначное влияние на языковую картину мира. Особую остроту эта проблема приобретает в цифровую эпоху, когда англоязычный контент доминирует в интернете и социальных сетях, а массовая культура формирует речевые привычки миллионов пользователей, часто вытесняя локальные языковые практики. С одной стороны, она открывает беспрецедентные возможности для межкультурной коммуникации, доступа к информации и развития многоязычных цифровых сред. С другой – создаёт серьёзные риски для сохранения языкового разнообразия, особенно для малых и исчезающих языков. В центре этого противоречия находится проблема языковой идентичности – способности человека и сообщества осознавать свою принадлежность к определённой языковой и культурной традиции.

Как справедливо отмечает А.Н. Чумаков, массовая культура является не просто спутником, но прямым порождением глобализационных процессов. Она формирует унифицированные стандарты потребления, мышления и самовыражения, в которых доминирующую роль играют несколько глобальных языков, прежде всего английский. Массовая культура, распространяемая через кино, музыку, рекламу и интернет-платформы, навязывает определённые языковые модели и речевые клише, вытесняя локальные языковые практики. Это приводит к тому, что молодое поколение, воспитанное на продуктах глобальной масс-культуры, всё чаще использует заимствования, англицизмы и упрощённые конструкции, что постепенно размывает нормы родного языка и снижает его престиж.

Вместе с тем, как подчёркивается в исследовании, посвящённом этнической идентичности в условиях глобализации, данный процесс не является однолинейным. Сохранение языковой идентичности становится активным ответом на вызовы глобализации – формой культурного сопротивления и

самосохранения. Этнические сообщества, осознавая угрозу утраты родного языка, разрабатывают стратегии его защиты: от возрождения традиционных практик до создания цифровых ресурсов на национальных языках. Однако эффективность этих стратегий напрямую зависит от государственной языковой политики и образовательных программ.

Ключевой проблемой остаётся противоречие между объективной необходимостью интегрироваться в международный экономический и политический контекст и стремлением сохранить свою национальную идентичность. В условиях глобального рынка знание английского языка становится конкурентным преимуществом, что создаёт давление в пользу отказа от родного языка в профессиональной и академической сферах. Особенно остро эта дилемма стоит перед малыми народами, языки которых не имеют достаточной функциональной нагрузки в официальной коммуникации, науке и бизнесе.

Массовая культура усугубляет эту ситуацию, поскольку она не просто транслирует глобальный язык, но и формирует систему ценностей, в которой локальные культурные коды воспринимаются как архаичные или маргинальные. Язык перестаёт восприниматься как носитель уникального мировоззрения и становится лишь инструментом утилитарной коммуникации. В таких условиях теряется глубинная связь между языком, культурой и идентичностью, что ведёт к культурной ассимиляции и утрате исторической памяти.

Тем не менее, глобализация несёт в себе и конструктивный потенциал для сохранения языковой идентичности. Развитие интернета и цифровых технологий открывает новые возможности для фиксации, изучения и популяризации малых языков. Социальные сети, онлайн-словари, образовательные платформы и корпусные технологии позволяют создавать языковую среду, не привязанную к географическому положению. Важно, чтобы эти инструменты использовались целенаправленно в рамках государственной языковой политики, направленной на поддержку многоязычия и культурного разнообразия.

Таким образом, сохранение языковой идентичности в эпоху глобализации и массовой культуры требует комплексного подхода, сочетающего образовательные, технологические и политические меры. Необходимо формировать у носителей языка осознанное отношение к своему языку как к ценности, развивать двуязычие без ущерба для родного языка и создавать условия для его полноценного функционирования во всех сферах общественной жизни. Только при таком условии языковое разнообразие сможет стать не препятствием, а ресурсом для устойчивого развития в глобализирующемся мире.

Список литературы

1. Чумаков, А.Н. Массовая культура как порождение и спутник глобализации / А.Н. Чумаков // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2015. – № 1-2. – С. 120-131. – EDN: UDLGLD.
2. Этническая идентичность в условиях глобализации // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: Сборник материалов XXIX Международной научно-практической конференции. – 2024. – С. 164-167. – DOI: 10.26118/3287.2024.47.99.036.

© Гылычмырадова Г., Гелдимырадова О., Халлыева Г., 2026

УДК 378.14

Жидкова Е.Ю.

Кандидат технических наук, доцент

Черноморское высшее военно-морское орденов

Нахимова и Красной Звезды училище имени П.С. Нахимова

г. Севастополь

ФИЗИКА В ВОЕННОМ ВУЗЕ – МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы преподавания физики курсантам военно-морских училищ. Анализируются причины низкой познавательной мотивации. Предлагаются методические приемы, направленные на формирование глубокого понимания физических процессов, а не формального заучивания.

Ключевые слова: физика, военно-морское училище, познавательная мотивация, проблемное обучение, межпредметные связи.

Annotation: The article examines current issues in teaching physics to naval academy cadets. It analyzes the reasons for low learning motivation and proposes teaching methods aimed at fostering a deep understanding of physical processes rather than rote memorization.

Keywords: physics, naval academy, cognitive motivation, problem-based learning, interdisciplinary connections.

Формирование профессиональных компетенций будущего офицера Военно-Морского Флота начинается на младших курсах военных ВУЗов. Современное вооружение, корабельные энергетические установки, системы навигации, гидроакустики и радиолокации базируются на глубоком понимании физических законов и явлений. Предметное содержание курса физики обеспечивает выработку научного мировоззрения и профессиональных

навыков военного специалиста. Преподавание физики в военно-морских училищах сталкивается с рядом серьезных проблем, которые снижают познавательную мотивацию курсантов и приводят к формальной «зубрежке» вместо осмысления материала.

Первая группа проблем связана с недостаточным уровнем школьной подготовкой по физике. Замечено, что до 10% курсантов зачисляются без достаточного желания овладевать профессией, и примерно столько же поступают под давлением со стороны родственников. Ситуацию усугубляет и тот факт, что в ряде регионов наблюдается нехватка профильных учителей в школах, что сказывается на качестве знаний абитуриентов.

Вторая группа проблем обусловлена спецификой организации учебного процесса в военном вузе. Процесс обучения сопровождается несением курсантами службы: наряды, участие в парадах, тревоги, работы в учебное время. Каждый курсант в среднем пропускает до 20%-40% учебных занятий. Это создает дополнительные сложности в освоении систематического курса физики, требующего последовательного и непрерывного изучения материала [1].

Третья, наиболее принципиальная проблема, носит методический характер. Зачастую физика преподается как абстрактная дисциплина с набором формул, оторванная от практико-ориентированных задач будущего офицера. В результате у курсантов отсутствует понимание того, как физические законы работают в реальных военно-морских условиях. Процесс обучения сводится к механическому заучиванию формул и определений.

Для преодоления этих проблем ключевое значение имеет целенаправленное формирование познавательной мотивации. Для этого, во-первых, должны использоваться разноуровневые задания прикладного характера, организация различных видов творческой самостоятельной работы с учетом индивидуальных особенностей обучающихся на основе последовательности, систематичности и профессиональной направленности. Важно, чтобы курсант видел непосредственную связь изучаемого материала со своей будущей профессией. Решение физических задач с военно-морским

содержанием необходимо не только для отработки математического аппарата, но и для понимания физической сущности процессов, лежащих в основе работы корабельных систем и вооружения [2].

Во-вторых, преподаватель в процессе обучения может создавать проблемные ситуации, побуждая курсантов искать пути и средства решения. Это может быть постановка проблемного вопроса на лекции, проблемная задача на практическом занятии, демонстрация опыта, сочетание слова и наглядности. Проблемная ситуация должна вызывать интерес у курсантов своей необычностью, неожиданностью, нестандартностью.

Третьим методическим приемом для активизации познавательного процесса обучения является физический демонстрационный эксперимент [3]. Демонстрационные материалы позволяют наиболее активно включать курсантов в учебный процесс, так как они являются наглядными и доступными для аудитории. В условиях военно-морского училища особую ценность имеют демонстрации, моделирующие реальные корабельные процессы: работу гидроакустических станций, принципы навигации, распространение радиоволн над морской поверхностью. Результатом демонстрационного эксперимента может стать стимулирование курсантов к разработке макетов и моделей, выполненных собственными руками.

Особое значение для формирования глубокого понимания физических процессов имеет лабораторный практикум. Формирование экспериментальных умений и навыков по физике представляет собой актуальную проблему, поскольку именно практическое освоение физики позволяет будущим офицерам не только углубить свои знания, но и развить критическое мышление, необходимое для принятия решений в сложных ситуациях. Методика лабораторных занятий предполагает предварительную теоретическую проработку и заполнение «полуотчетов», обобщение исходных данных и тщательный учет погрешностей измерений. Это побуждает курсантов глубже вникать в суть физических явлений. Групповая работа и взаимодействие будущих

военных специалистов при выполнении лабораторных заданий также способствуют формированию профессиональных компетенций.

Таким образом, преподавание физики в военно-морском училище требует перехода от репродуктивной модели обучения, ориентированной на запоминание формул и определений, к деятельностной модели, в которой физика выступает инструментом решения профессиональных задач. Ключевыми условиями эффективности такого обучения являются: профессиональная направленность содержания, использование проблемных и интерактивных методов, широкое применение демонстрационного эксперимента и моделирования, организация осмысленной самостоятельной работы курсантов. Только при таком подходе физика перестает быть абстрактной дисциплиной и станет фундаментом профессионального мышления будущего офицера-флотоводца.

Список литературы

1. Клишкова Н.Н. Системный подход к решению физических задач на практических занятиях с курсантами военной академии /Н.Н. Клишкова, М.В. Максимова // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 224-225.

2. Жидкова, Е.Ю. Цифровизация в системе непрерывного образования / Е.Ю. Жидкова, А.В. Жидков // Непрерывное образование: материалы Международного форума 22 ноября 2019 г. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. – 2019. – Т.1. – С.104-109.

3. Журавлева Е.В. Применение демонстрационных материалов на лекциях по физике /Е.В. Журавлева, Д.Д. Бондаренко // Молодой ученый. – 2023. – №16 (463). – С. 313-315.

© Жидкова Е.Ю., 2026

Атаев Э.

Главный специалист научного отдела
Международный университет гуманитарных наук и развития
г. Ашхабад, Туркменистан

АНТРОПОГЕННАЯ НАГРУЗКА НА ПРИРОДНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ ТУРКМЕНИСТАНА

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы антропогенной нагрузки на природные экосистемы Туркменистана. Анализируются основные виды антропогенного воздействия, включая перевыпас скота, нефтегазовую деятельность, нерациональное водопользование и расширение сельскохозяйственных угодий. Особое внимание уделяется деградации пастбищных экосистем, сокращению тугайных лесов и загрязнению окружающей среды.

Ключевые слова: антропогенная нагрузка, экосистемы Туркменистана, деградация земель, опустынивание, пастбищная дигрессия.

Abstract: This article examines the problems of anthropogenic pressure on the natural ecosystems of Turkmenistan. The main types of anthropogenic impact are analyzed, including overgrazing, oil and gas activities, unsustainable water use, and the expansion of agricultural land. Particular attention is paid to the degradation of pasture ecosystems, the reduction of tugai forests, and environmental pollution.

Keywords: anthropogenic pressure, ecosystems of Turkmenistan, land degradation, desertification, pasture degradation.

Введение. Туркменистан, обладающий уникальными природными экосистемами – от пустынь Каракумов до тугайных лесов Амударьи и горных массивов Копетдага, – сталкивается с возрастающей антропогенной нагрузкой, которая угрожает устойчивости его природных комплексов. Антропогенная

нагрузка представляет собой степень прямого и косвенного воздействия человека и его хозяйственной деятельности на природные комплексы и их отдельные компоненты. В условиях аридного климата, где экосистемы отличаются повышенной уязвимостью, даже умеренное антропогенное воздействие может привести к необратимым последствиям.

Цель настоящей работы – выявить основные виды антропогенной нагрузки на природные экосистемы Туркменистана, оценить их последствия и предложить пути снижения негативного воздействия. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) охарактеризовать основные виды антропогенной деятельности, оказывающей влияние на экосистемы; 2) проанализировать последствия антропогенной нагрузки на пастбищные, лесные и водные экосистемы; 3) определить перспективные направления снижения антропогенного пресса.

Основные виды антропогенной нагрузки на экосистемы Туркменистана. Природные экосистемы Туркменистана подвергаются воздействию различных антропогенных факторов. Как отмечают исследователи, усиливающийся антропогенный пресс и нерациональное использование природных ресурсов оказывают негативное воздействие на окружающую среду. Среди основных видов антропогенной нагрузки выделяются: перевыпас скота, рубка древесно-кустарниковых пород, распашка целинных земель, строительство дорог, а также загрязнение от нефтегазового комплекса.

Особую озабоченность вызывает состояние пастбищных экосистем, занимающих более 80% территории страны. Пастбищная дигрессия – резкое ухудшение состояния пастбищ в результате чрезмерного выпаса скота – приводит к обеднению видового состава, упрощению структуры растительности и снижению продуктивности угодий. В условиях Каракумов, где растительный покров крайне чувствителен к внешним воздействиям, нерегулируемый выпас скота ускоряет процессы опустынивания, создавая угрозу для всей экосистемы региона.

Тугайные леса – уникальные экосистемы речных долин – также испытывают значительное антропогенное давление. Эти леса, обладающие высоким уровнем биологического разнообразия, подвергаются вырубке, выпасу скота, транспортным нагрузкам и распашке земель под сельскохозяйственные угодья. Как следствие, сокращение площадей тугайной растительности происходит вследствие действия совокупных антропогенных факторов. Утрата этих экосистем ведёт к снижению биоразнообразия и нарушению гидрологического режима рек.

Нефтегазовый сектор является ещё одним значительным источником антропогенной нагрузки. Загрязнение атмосферы выбросами промышленных предприятий, утечки метана и загрязнение почв и водных объектов создают серьёзные экологические риски. Возрастающая антропогенная нагрузка на природные экосистемы в зоне нефтедобычи приводит к деградации ландшафтов и угрожает биоразнообразию, включая каспийского тюленя и осетровых рыб.

Водные ресурсы Туркменистана также испытывают значительное антропогенное давление. Нерациональное использование вод Амударьи для орошения, загрязнение рек промышленными и сельскохозяйственными стоками приводят к засолению почв, эрозии и истощению водных ресурсов. Это особенно опасно для аридных зон, где растительный покров особенно чувствителен к изменениям климата и антропогенному воздействию.

Последствия антропогенной нагрузки и пути их преодоления. Антропогенная нагрузка на экосистемы Туркменистана имеет многообразные последствия. Деградация пастбищ ведёт к снижению продуктивности животноводства и ухудшению условий жизни местного населения. Сокращение тугайных лесов снижает способность экосистем к самоочищению и регулированию водного режима. Загрязнение атмосферы и водных объектов ухудшает качество жизни населения и создаёт угрозу для здоровья людей.

Вместе с тем, в Туркменистане предпринимаются меры по снижению антропогенной нагрузки. Разрабатываются национальные программы по борьбе с опустыниванием и деградацией земель. Реализуются проекты по

восстановлению деградированных пастбищ и тугайных лесов. Совершенствуется экологическое законодательство, направленное на снижение выбросов и охрану биоразнообразия.

Заключение. Антропогенная нагрузка на природные экосистемы Туркменистана представляет собой серьёзную экологическую проблему, требующую неотложного решения. Перевыпас скота, нерациональное водопользование, нефтегазовая деятельность и расширение сельскохозяйственных угодий ведут к деградации пастбищ, сокращению тугайных лесов, загрязнению окружающей среды и утрате биоразнообразия. Учитывая аридный климат страны и высокую уязвимость её экосистем, дальнейшее наращивание антропогенного пресса может привести к необратимым последствиям.

Список литературы

1. Курбанов П.К. Загрязнение атмосферы в Туркменистане и пути ее экологического оздоровления: дис. ... канд. геогр. наук. – М., 1999. 175 с.
2. Бабаева Т.А. Применение дистанционных методов для изучения процессов опустынивания в Туркменистане: дис. ... канд. геогр. наук. – Ашхабад, 1984. – 198 с.

© Атаев Э., 2026

УДК 37

Улейко К.И.

студентка 3 курса филологического факультета

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

г. Гродно, Беларусь

Научный руководитель: **Дашкевич С.С.**

Магистр филологических наук,

старший преподаватель кафедры английской филологии

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

г. Гродно, Беларусь

ПОДКАСТИНГ КАК СОВРЕМЕННЫЙ СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация: В статье рассматривается подкастинг как современный инструмент образовательного процесса при изучении иностранных языков. Анализируются история возникновения технологии, ее основные дидактические преимущества и ограничения, а также приводятся примеры популярных аудиоресурсов, которые могут использоваться для развития рецептивных навыков обучающихся. Делается вывод о том, что педагогический потенциал подкастинга наиболее полно реализуется при методически обоснованном подходе, тогда как бессистемное использование аудиоматериалов не обеспечивает значимого повышения эффективности обучения.

Ключевые слова: подкаст, подкастинг, английский язык, речь, языковая среда, аудирование, аудиоматериалы.

Подкаст (от англ. *podcast*: iPod + broadcast – «вещание для плеера») представляет собой аудио- или видеофайл, который выпускается в виде серий, объединенных общей тематикой. Зародившись в начале 2000-х гг. как любительский способ обмена аудиозаписями через Интернет, подкастинг долгое

время оставался преимущественно сферой интересов энтузиастов и технически продвинутых пользователей. Значимым этапом его популяризации стал 2014 г., когда американская журналистка Сара Кениг совместно с Джули Снайдер представили подкаст-проект «Serial», продемонстрировавший, что подкасты могут быть столь же увлекательными для аудитории, как и многосерийные драматические произведения [1]. С тех пор технология подкастинга получила широкое распространение среди частных лиц, в бизнесе, искусстве, средствах массовой информации и, конечно, в образовании, поскольку подкаст представляет собой доступное, удобное и привлекательное средство обучения [2].

Рассматривая подкастинг как инструмент обучения английскому языку, важно учитывать, что его педагогическая ценность выходит далеко за рамки простого аудиоформата. Как показывает исследование Е. А. Дичковской, проведенное среди студентов языкового вуза, использование подкастов положительно воспринимается обучающимися и способствует совершенствованию учебной среды [3, с. 320]. В отличие от традиционных учебных аудиозаписей, многие подкасты изначально создаются для развлечения и информирования носителей языка, а не для методических целей. Именно эта «неучебная» природа предоставляет студентам ряд дополнительных возможностей:

1. **Доступность.** Подкасты можно скачивать или воспроизводить онлайн в любое время и в любом месте, а большинство платформ предлагают бесплатный контент, что позволяет включать языковую практику даже в повседневную деятельность, например во время поездок или прогулок.

2. **Аутентичность и знакомство с живой речью.** Ведущие не всегда следуют заранее подготовленному тексту, используют разговорную лексику, устойчивые выражения, естественные паузы и различные интонационные модели. Это помогает подготовить обучающегося к восприятию реальной иноязычной коммуникации.

3. **Многообразие контента.** От специализированных научных подкастов до комедийных шоу, интервью и новостных выпусков – обучающийся может подобрать материал, соответствующий его уровню владения языком и личным интересам, что способствует поддержанию учебной мотивации.

4. **Систематическое развитие навыков аудирования.** Регулярное прослушивание способствует развитию фонематического слуха, способности воспринимать связную речь, распознавать особенности произношения и интонационные модели, что в совокупности помогает совершенствовать понимание иностранной речи на слух.

Таким образом, подкастинг становится не просто вспомогательным средством обучения, а эффективным инструментом погружения в аутентичную языковую среду.

Для того чтобы использование подкастов приносило ощутимые результаты, недостаточно простого фонового прослушивания – необходима продуманная стратегия работы с аудиоматериалом. Эффективным подходом является многоэтапное прослушивание: сначала студент определяет общий смысл сообщения, затем концентрируется на деталях и незнакомой лексике, а на следующем этапе может воспроизводить отдельные фрагменты речи вслед за ведущим для совершенствования произносительных навыков.

Продуктивным является также использование заранее подготовленных преподавателем вопросов по содержанию выпуска. Они превращают аудирование в активный поиск информации и способствуют повышению концентрации. Если преподаватель предлагает такие вопросы до начала прослушивания, студент заранее понимает, на какие аспекты содержания следует обратить особое внимание.

Полезным является и метод работы с транскриптами, при котором студент сначала прослушивает фрагмент без текстовой опоры, а затем обращается к расшифровке, анализируя особенности соотношения звучащей и письменной речи. После прослушивания можно предложить устный или письменный пересказ материала либо запись собственного короткого аудиоответа с

использованием лексики и речевых моделей оригинала. Такая работа способствует переходу лексических единиц из пассивного словарного запаса в активный. Комплексное применение данных приемов позволяет превратить прослушивание подкаста из фоновой деятельности в полноценную языковую практику.

Для соотнесения изложенных теоретических положений с практикой нами был проведен опрос среди студентов 2 курса филологического факультета УО «ГрГУ им. Янки Купалы» ($n = 15$). Респондентам предлагалось ответить на пять вопросов: 1) используют ли они подкасты при изучении английского языка; 2) с какой регулярностью; 3) какие платформы или ресурсы предпочитают; 4) как оценивают пользу подкастинга для развития навыков аудирования по шкале от 1 до 5; 5) с какими основными трудностями сталкиваются при прослушивании.

Результаты опроса показали, что 60 % респондентов используют подкасты нерегулярно – эпизодически или только при подготовке к конкретным занятиям, тогда как регулярно, не менее 2–3 раз в неделю, слушают подкасты 40 % опрошенных. Наиболее популярными платформами оказались Spotify (47 %), YouTube-каналы с субтитрами (33 %) и профильные ресурсы с адаптированным контентом уровня A2–B1 (20 %).

Средняя субъективная оценка пользы подкастов для развития навыков восприятия речи на слух составила 4,3 балла из 5. При этом 73 % опрошенных отметили положительное влияние подкастинга на понимание беглой речи и привыкание к естественному темпу речи носителей языка. Среди основных трудностей назывались высокий темп речи (53 %), большое количество незнакомой лексики (40 %) и недостаток визуальной опоры (27 %).

Полученные данные, хотя и носят предварительный характер ввиду ограниченного объема выборки, в целом согласуются с изложенными выше теоретическими положениями и свидетельствуют об интересе студентов к использованию подкастинга как инструмента самостоятельной работы.

Однако, признавая достоинства подкастов, нельзя игнорировать и их ограничения, способные снизить эффективность обучения при отсутствии

методически организованной работы. Можно выделить три основных недостатка:

1. **Отсутствие визуальных элементов.** В отличие от видео или непосредственного общения, слушатель не видит артикуляции, жестов и мимики говорящего, что может затруднять понимание на начальных этапах обучения и лишает обучающегося важной невербальной опоры при восприятии речи.

2. **Риск некорректного переноса языкового материала.** Значительная часть подкастов содержит неформальную лексику, сленг и разговорные конструкции, которые, с одной стороны, ценны с точки зрения аутентичности, но, с другой стороны, могут сформировать у студента ошибочное представление об особенностях их употребления, если данные единицы переносятся в формальную письменную или деловую коммуникацию без учета стилистических нюансов.

3. **Необходимость высокой самодисциплины.** Без внешнего контроля со стороны преподавателя или учебной группы студенту может быть сложно сохранять регулярность самостоятельной работы. При отсутствии четкого графика и мотивации прослушивание способно превратиться в пассивный фон и не обеспечивать ожидаемого учебного эффекта.

Осознание этих ограничений позволяет сделать вывод о том, что подкастинг ценен не сам по себе, а в сочетании с другими формами учебной работы и при активной позиции обучающегося.

Подкасты, используемые в целях обучения языку, можно разделить на аутентичные – новости зарубежных телеканалов и радиостанций, выступления политиков, ученых и других носителей языка – и адаптированные, созданные специально для изучающих иностранный язык с учетом уровня владения им [4, с. 192].

Современные образовательные платформы предлагают широкий спектр подкастов, сочетающих развлекательный и учебный компоненты. В практике преподавания английского языка как иностранного могут использоваться следующие ресурсы.

Coffee Break Languages – серия подкастов, представленная на английском, французском, испанском и других языках. Формат построен как «урок в форме беседы»: ведущие постепенно вводят новую лексику и грамматические конструкции, чередуя доступные объяснения с диалогами. Отличительной особенностью является использование естественных коммуникативных ситуаций, что позволяет студенту не только усваивать новый материал, но и наблюдать его функционирование в контексте. Данный ресурс подходит, прежде всего, для уровней A1–B1, поскольку темп речи и характер объяснений ориентированы на изучающих иностранный язык.

BBC Learning English представляет собой серию профессионально разработанных аудиоматериалов, среди которых особого внимания заслуживают *6 Minute English* и *The English We Speak*. Данный ресурс отличается высоким качеством звукозаписи, наличием транскриптов к выпускам и четко выстроенной структурой материалов, включающих введение в тему, диалог или монолог, объяснение идиом и устойчивых выражений, а также задания для самопроверки. Методическая организация выпусков делает этот ресурс подходящим как для самостоятельной работы, так и для использования на аудиторных занятиях. Материалы различной степени сложности позволяют применять их на разных этапах изучения английского языка.

TED Talks Daily не является учебным подкастом в строгом смысле слова, однако материалы TED могут эффективно использоваться для развития навыков аудирования. Тематика выступлений чрезвычайно разнообразна – от науки и технологий до психологии и искусства, что позволяет студентам расширять словарный запас в определенной предметной области и развивать навыки критического слушания. Данный ресурс в большей степени подходит для обучающихся с уровнем B2–C1, поскольку естественный темп речи и достаточно сложная лексика требуют уверенного владения языком и способности воспринимать развернутую иноязычную речь на слух.

Learning English Podcast от British Council разработан специально для изучающих английский язык и учитывает методические требования к учебным

аудиоматериалам. Выпуски позволяют студентам работать над развитием навыков аудирования, усвоением грамматических конструкций и расширением словарного запаса. Наличие дополнительных заданий для самопроверки способствует превращению прослушивания из пассивного процесса в активную учебную деятельность и позволяет обучающемуся контролировать собственный прогресс.

Подкастинг зарекомендовал себя как эффективное технологическое средство в практике преподавания иностранных языков, позволяющее частично восполнить дефицит естественной речевой среды и развивать навыки аудирования в условиях самостоятельной работы студентов. Вместе с тем образовательный потенциал подкастов наиболее полно реализуется при методически обоснованном подходе, предполагающем сочетание аудиоматериалов с дополнительными опорами, отбор контента в соответствии с уровнем подготовки студентов и целенаправленное формирование навыков самоорганизации учебной деятельности.

Дальнейшее развитие данной технологии может быть связано с более активной интеграцией подкастов в модели смешанного обучения, что позволит компенсировать существующие ограничения и расширить возможности их использования в процессе обучения аудированию. Для реализации этой задачи необходимы разработка практических рекомендаций по отбору и адаптации подкастов для разных этапов обучения, а также создание системы заданий, органично включающей работу с аудиоматериалами в аудиторную и внеаудиторную деятельность. Перспективным направлением представляется также сравнительный анализ эффективности подкастов и традиционных учебных аудиозаписей при формировании навыков восприятия спонтанной иноязычной речи.

Список использованных источников и литературы

1. Подкаст. Что это такое? История жанра. Особенности формата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://podcastkultura.ru/blog/что-такое-podcast/>.
2. Мильруд Р. П. Методика преподавания английского языка: пособие для студентов пед. вузов и учителей. – М.: Дрофа, 2005. – С. 134–159.
3. Дичковская Е. А. Подкастинг как средство активизации учебной деятельности студентов в языковом вузе (на примере дисциплины «Зарубежная литература») / Е. А. Дичковская // Язык и межкультурная коммуникация: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2026. – С. 319–330.
4. Сысоев П. В. Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. – 2014. – № 2. – С. 189–201.

© Улейко К.И., 2026

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ПРАВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 34

Чеглакова В.Н.,

обучающийся по программе бакалавриата 4 курса

Волго-Вятского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ МЕР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ АВАРИЙНЫХ РАЗЛИВОВ НЕФТИ

Аннотация. Аварийные разливы нефти и нефтепродуктов представляют собой одну из наиболее значимых угроз экологической безопасности Российской Федерации, влекущую за собой деградацию природных систем, существенный экономический ущерб и создающую риски для здоровья населения. В этой связи правовое регулирование экологических отношений и отношений, направленных на предупреждение и ликвидацию таких инцидентов, образует комплексный институт в рамках экологического права. Данный институт характеризуется динамичным развитием, направленным на формирование превентивной, а не только компенсационной модели поведения хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: экологические отношения, правовое регулирование, правовые меры, разливы нефти, предотвращение аварийных ситуаций.

Abstract. Oil and petroleum product spills are one of the most significant threats to the environmental security of the Russian Federation, causing degradation of natural systems, significant economic damage, and posing risks to public health. In this regard, the legal regulation of environmental relations and relations aimed at preventing and eliminating such incidents forms a comprehensive institution within the framework of environmental law. This institution is characterized by dynamic development aimed at

creating a preventive rather than a compensatory model of behavior for economic entities.

Keywords: environmental relations, legal regulation, legal measures, oil spills, and emergency prevention.

В современных условиях хозяйственная деятельность человека оказывает возрастающее воздействие на природную среду. Особенно опасными являются техногенные катастрофы, вызванные аварийными разливами нефти и нефтепродуктов. Они ведут к загрязнению вод, почв, гибели флоры и фауны, что наносит значительный ущерб экосистемам и здоровью населения. Эффективное правовое регулирование экологических отношений в данной сфере представляет собой важнейший элемент государственной экологической политики Российской Федерации.

Правовое регулирование экологических отношений – это комплексная система юридических норм, которая управляет взаимодействием между обществом, экономикой и окружающей средой. Ее цель – обеспечение благоприятной окружающей среды, защита экологических прав граждан и сохранение природных ресурсов.

В структуре данного регулирования выделяются несколько взаимосвязанных уровня.

Международный уровень формируется через систему универсальных принципов, таких как принцип предосторожности и принцип «загрязнитель платит», а также посредством международных договоров и конвенций, участником которых является Российская Федерация. Например, Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 года (Конвенция об ответственности 1992 года¹,

¹ Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 года (Конвенция об ответственности 1992 года) (ред. от 27.11.1992 (ред. 18.10.2000)) (Заключена в г. Брюсселе 29.11.1969) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - Вып. XXXI. - М., 1977. - С. 97 - 106.

Конвенция о биологическом разнообразии², Венская конвенция об охране озонового слоя³, Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов⁴.

Национальный уровень базируется на Конституции РФ, которая устанавливает фундаментальные основы и принципы, имеющие высшую юридическую силу. Так, ст. 42 Конституции РФ – центральная норма, которая закрепляет основное субъективное право человека в экологической сфере. Ст. 58 распространяет экологические обязанности не только на государство и бизнес, но и на каждого гражданина. Ст. 9 определяет особый публичный статус природных ресурсов, подчеркивая, что они не являются просто товаром, а имеют фундаментальное значение для существования нации. Ст. 36 вводит ограничение права собственности. Пользование природными ресурсами не может быть абсолютным и должно осуществляться с учетом экологических императивов⁵.

Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» выполняет роль базового кодифицирующего акта. Он устанавливает: основные принципы охраны окружающей среды, права и обязанности граждан и организаций, экономическое регулирование (плата за негативное воздействие, экологический сбор), нормирование (ПДВ, ПДС, лимиты на размещение отходов), экологическую экспертизу и оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС), основы экологического контроля и ответственности⁶.

² Конвенция о биологическом разнообразии (Заключена в г. Рио-де-Жанейро 05.06.1992) // Бюллетень международных договоров. - 1996. - N 9. - С. 3 - 28.

³ Венская конвенция об охране озонового слоя (Заключена в г. Вене 22.03.1985) // Действующее международное право. - Т. 3. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997. - С. 692 - 700.

⁴ Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Заключена в г. Базеле 22.03.1989) // Бюллетень международных договоров. - 1996. - N 7. - С. 3 - 33.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М.: Спарк, 2025. 77 с.

⁶ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. - 14.01.2002. - N 2. - ст. 133.

Его положения развиваются в профильных федеральных законах⁷ и кодексах – земельном⁸, водном⁹, лесном¹⁰, которые детализируют правовые режимы использования отдельных природных объектов. Уголовный¹¹ и административный¹² кодексы устанавливают санкции за нарушение экологических предписаний.

Долгосрочным ориентиром, вокруг которого выстраивается деятельность всего государственного механизма в нашей стране – обеспечение национальной безопасности. Подтверждением этому служит подписанный 02.07.2021 Президентом РФ В.В. Путиным Указ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹³. В качестве основных угроз государственной и общественной безопасности в сфере экологии Стратегия называет стихийные бедствия, аварии и катастрофы, в том числе связанные с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов инфраструктуры и возникновением пожаров¹⁴.

Подзаконные нормативные правовые акты представляют собой наиболее многочисленный пласт правового регулирования экологических отношений. Они издаются на основе и во исполнение законов и предназначены для их

⁷ Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. - 27.11.1995. - N 48. - ст. 4556; Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства РФ. - 20.03.1995. - N 12. - ст. 1024; Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об отходах производства и потребления» // Собрание законодательства РФ. - N 26. - 29.06.1998. - ст. 3009; Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 31.07.2025) «О недрах» // Собрание законодательства РФ. - 06.03.1995. - N 10. - ст. 823.

⁸ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 29.10.2001. - N 44. - ст. 4147.

⁹ Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 05.06.2006. - N 23. - ст. 2381.

¹⁰ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 11.12.2006. - N 50. - ст. 5278.

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - N 25. - ст. 2954.

¹² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - N 1 (ч. 1). - ст. 1.

¹³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 05.07.2021. - N 27 (часть II). - ст. 5351.

¹⁴ Кирилловых, А.А. Основные направления развития полномочий органов местного самоуправления в контексте реализации стратегии экологической безопасности / А.А. Кирилловых, И.Н. Сурманидзе // Право и общество. - 2020. - № 1 (1). - С. 27-29.

конкретизации и реализации. Например, Постановление Правительства РФ от 31.05.2023 N 881 «Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации»¹⁵, Приказ Минприроды России от 08.07.2010 N 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды»¹⁶.

Региональный и муниципальный уровни дополняют федеральное регулирование в пределах компетенции субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, не противореча ему. Например, Закон Кировской области от 29.11.2006 N 55-ЗО «Об охране окружающей среды на территории Кировской области»¹⁷, Постановление Правительства Кировской области от 15.12.2023 N 666-П «Об утверждении государственной программы Кировской области «Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов»¹⁸ и пр.

Правовая база в сфере предупреждения аварийных разливов нефти носит межотраслевой характер и складывается из нормативных положений экологического, промышленно-технического и административного законодательства. Важнейшие изменения в этой области связаны с принятием Федерального закона от 13.07.2020 № 207-ФЗ, который существенно ужесточил

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 31.05.2023 N 881 (ред. от 20.09.2025) «Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 05.06.2023. - N 23 (часть I). - ст. 4191.

¹⁶ Приказ Минприроды России от 08.07.2010 N 238 (ред. от 18.11.2021) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - N 40. - 04.10.2010.

¹⁷ Закон Кировской области от 29.11.2006 N 55-ЗО (ред. от 29.05.2025) «Об охране окружающей среды на территории Кировской области» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. - N 1. - 20.02.2007.

¹⁸ Постановление Правительства Кировской области от 15.12.2023 N 666-П (ред. от 17.07.2025) «Об утверждении государственной программы Кировской области «Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. - N 4. - 27.12.2023.

требования для предприятий нефтегазового комплекса¹⁹. Также следует выделить Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2451 «Об утверждении Правил организации мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации, за исключением внутренних морских вод Российской Федерации и территориального моря Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»²⁰, Постановление Правительства РФ от 30.12.2020 N 2366 «Об организации предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»²¹.

Эффективное правовое регулирование экологических отношений в сфере предотвращения нефтяных разливов – ключ к обеспечению устойчивого развития, экологической безопасности и защите интересов будущих поколений. Только комплексное применение правовых, организационных и технических мер способно минимизировать риск техногенных катастроф и сохранить экологическое равновесие.

Нефтяная отрасль является стратегически важной частью экономики Российской Федерации, обеспечивая значительную долю государственного бюджета, экспортных доходов и энергетической безопасности страны. Однако высокая концентрация объектов добычи, транспортировки и переработки нефти сопровождается серьёзными экологическими рисками, среди которых особое

¹⁹ Федеральный закон от 13.07.2020 N 207-ФЗ «О внесении изменений в статью 46 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 20.07.2020. - N 29. - ст. 4517.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2451 (ред. от 11.12.2023) «Об утверждении Правил организации мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации, за исключением внутренних морских вод Российской Федерации и территориального моря Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 18.01.2021. - N 3. - ст. 583.

²¹ Постановление Правительства РФ от 30.12.2020 N 2366 (ред. от 14.12.2023) «Об организации предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 11.01.2021. - N 2 (часть I). - ст. 416.

место занимают аварийные разливы нефти и нефтепродуктов. Эти инциденты приводят к масштабному загрязнению водных и земельных ресурсов, наносят ущерб флоре и фауне, создают угрозу здоровью населения и подрывают устойчивое развитие территорий²².

Активное освоение нефтяных месторождений приведёт к увеличению объёма нефтяных углеводородов, поступающих в моря в случае чрезвычайной аварийной ситуации²³.

За период с 2020 по 2024 год в Российской Федерации произошло несколько крупных аварийных разливов нефти и нефтепродуктов, имевших значительные экологические и экономические последствия.

Так, резонансным стал разлив около 20 тысяч тонн дизельного топлива в Норильске 29 мая 2020 года, приведший к загрязнению рек Амбарная и Далдыкан. Ущерб от этой аварии был оценен в 148 миллиардов рублей²⁴. В этом же году произошли другие серьезные инциденты: в марте в Находке разлилось около 2,5 тысяч тонн мазута, вызвавшее загрязнение озера Солёное²⁵, а в октябре в Красноярском крае произошел разлив 500 тысяч литров дизтоплива в реку Ангара, создавший угрозу Богучанскому водохранилищу²⁶.

В 2021 году продолжилась серия экологических катастроф. В августе при разливе сырой нефти в акватории Чёрного моря около посёлка Южная Озереевка

²² Филиппова, Е.В. Оптимизация учета ущерба от аварийного разлива нефти с помощью цифровых технологий / Е.В. Филиппова // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. - 2024. - № 5 (320). - С. 18-23.

²³ Литвинец, С.Г., Сравнительная оценка эффективности твёрдых и жидких диспергентов в условиях моделирования разливов нефти и нефтепродуктов / С.Г. Литвинец, Е.А. Мартинсон, С.М. Кузнецов, Е.О. Задорина, О.А. Новикова, В.Г. Комоско, А.В. Николаева, М.А. Трошин, М.Т. Гайсин // Теоретическая и прикладная экология. - 2022. - № 1. - С. 115-123.

²⁴ Расследование катастрофы, случившейся в мае 2020 года в Норильске. – URL : https://projects.fedpress.ru/crimson_rivers (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

²⁵ Экологическая катастрофа на озере Соленом оказалась уникальной. – URL : <https://dzen.ru/a/XqZBX3ljsjoq8g3m> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

²⁶ Сотни литров топлива вылились в реку Ангара Красноярского края. СК возбудил дело. – URL : <https://vtomske.ru/news/178701-cotni-litrov-topliva-vylilis-v-reku-angaru-krasnoyarskogo-kрая-sk-vozbudil-delo> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

было загрязнено 80 квадратных километров водной поверхности, а ущерб оценили в 4,5 миллиарда рублей²⁷.

В 2022 году экологическая ситуация продолжала оставаться напряженной. В октябре в Княжпогостском районе Республики Коми случился разлив примерно 100 кубических метров нефти, потребовавший введения режима чрезвычайной ситуации муниципального уровня²⁸. В декабре 2024 года в Керченском проливе произошел разлив 3-4 тысяч тонн мазута, что привело к загрязнению 400 квадратных километров акватории, массовой гибели птиц (15-20 тысяч особей) и дельфинов (около 70 особей), что потребовало введения режима ЧС федерального уровня²⁹.

Предупреждение аварийных разливов нефти представляет собой важнейшее направление государственной политики в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Эффективность этой деятельности во многом определяется наличием разветвлённой системы правового регулирования, компетенцией государственных органов, а также организационно-техническими мерами, направленными на минимизацию рисков техногенных катастроф.

Проекты добычи, транспортировки и переработки нефти подлежат обязательной государственной экологической экспертизе. Целью экспертизы является оценка соответствия предполагаемой деятельности экологическим требованиям и выявление потенциальных рисков загрязнения. Проекты по добыче, транспортировке и переработке нефти подлежат обязательной оценке на предмет соответствия экологическим требованиям и наличия эффективных мер

²⁷ Разлив нефти в Черном море может достигать 80 кв. километров. – URL : <https://ug.ru/razliv-nefti-v-chernom-more-mozhet-dostigat-80-kv-kilometrov/> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

²⁸В районе Коми ввели режим ЧС из-за разлива 100 куб. м нефти. – URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/634c719b9a794780483a78dc> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

²⁹Разлив мазута в Керченском проливе: полная хронология катастрофы. – URL : https://dzen.ru/a/Z_N3MluQXHe1VQ2n (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

предотвращения аварий. Без положительного заключения экспертизы реализация таких проектов невозможна. Экспертиза позволяет:

- выявить экологические риски до начала строительства или эксплуатации нефтяных объектов;
- предусмотреть меры по предотвращению аварий;
- отклонить проекты, не соответствующие экологическим нормам.

Для осуществления добычи, транспортировки и переработки нефти необходимо получение лицензии. Лицензионные условия включают обязательства по соблюдению мер промышленной и экологической безопасности, разработке планов предупреждения и ликвидации аварий.

Каждая организация, эксплуатирующая нефтяные объекты, обязана иметь утверждённый план по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, включающий перечень возможных аварийных сценариев; схемы взаимодействия с аварийно-спасательными службами; порядок оповещения и эвакуации; перечень технических средств и ресурсов для локализации и ликвидации загрязнений. Практическая ценность данной меры заключается в следующем:

- обеспечивается системная готовность предприятия к аварийным ситуациям;
- создаётся правовая основа для оперативного реагирования и взаимодействия с органами государственной власти;
- закрепляется ответственность руководителей за несвоевременное или ненадлежащее выполнение мероприятий по ликвидации аварий.

Также осуществляется экологический мониторинг в целях постоянного наблюдения за состоянием окружающей среды, своевременного выявления угроз загрязнения и оценки эффективности природоохранных мер. На основе данных мониторинга формируются решения о корректировке технологических процессов и усилении контроля за безопасностью объектов.

Кроме того, Росприроднадзор и Ростехнадзор проводят плановые и внеплановые проверки предприятий нефтяной отрасли, оценивают соблюдение

требований законодательства, состояние оборудования и готовность аварийных служб. Нарушения влекут применение мер административного воздействия, включая приостановление деятельности или отзыв лицензии.

Правовые меры выступают не просто инструментом государственного принуждения, но и механизмом формирования экологической ответственности бизнеса, способствующим развитию устойчивого производства.

Система предупреждения и ликвидации аварийных разливов нефти в России строится на следующих принципах:

- приоритетности профилактических мер над мерами по устранению последствий;
- оперативности реагирования и координации действий между органами власти, предприятиями и аварийно-спасательными службами;
- зоны ответственности каждого участника;
- непосредственного возмещения ущерба загрязнителем (принцип «загрязнитель платит»);
- гласности и информирования населения о чрезвычайных экологических ситуациях³⁰.

Вся система функционирует в рамках Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, что обеспечивает согласованное взаимодействие органов власти, организаций и общественных институтов.

Правовые меры, направленные на предупреждение аварийных разливов нефти и минимизацию их последствий имеют особую практическую значимость, которая заключается не только в нормативном закреплении обязанностей природопользователей, но и в формировании устойчивой системы экологической безопасности, обеспечивающей баланс между экономическим развитием и охраной природы.

³⁰ Городников, О.А. Внедрение новых технологий для ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов / О.А. Городников // Безопасность жизнедеятельности. - 2024. - № 9 (285). - С. 34-39.

В частности, они устанавливают обязательные правила поведения, регулируют ответственность за нарушение экологических норм и создают механизмы принуждения к безопасному обращению с нефтью и нефтепродуктами.

В целом, практическое значение правовых мер предотвращения аварийных разливов нефти заключается в их системообразующей роли для всей экологической политики государства. Они создают условия для рационального природопользования, формируют ответственность предприятий и гарантируют защиту прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Несмотря на наличие развитой правовой и организационной базы, эффективность системы предупреждения и ликвидации нефтяных разливов ограничивается рядом таких факторов, как недостаточное обновление технических средств ликвидации; неравномерное распределение аварийных формирований по регионам; слабая координация действий федеральных и региональных органов³¹.

Перспективными направлениями в данной сфере выступают:

- развитие цифровых платформ мониторинга состояния нефтяных объектов и автоматического обнаружения утечек;
- внедрение биотехнологических методов очистки загрязнённых территорий;
- укрепление международного сотрудничества, особенно в Арктическом регионе;
- совершенствование законодательства в части ответственности и экологического страхования;
- повышение роли общественного и научного контроля за реализацией природоохранных мероприятий.

Современные вызовы – развитие шельфовой добычи, транспортировка нефти через Арктику, старение инфраструктуры требуют постоянного

³¹ Моргунов, Д.В. План предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов / Д.В. Моргунов // Экология производства. - 2024. - № 4 (237). - С. 46-55.

совершенствования этих механизмов. Интеграция передовых технологий, международного опыта и строгого государственного контроля позволит значительно снизить риск техногенных катастроф и сохранить природную среду для будущих поколений.

Таким образом, регулирование в области предотвращения аварийных разливов нефти в Российской Федерации представляет собой сложную, развивающуюся систему, ядро которой сформировалось вокруг института плана по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов и финансовых гарантий. Практическое значение правовых мер заключается в создании целостного механизма, направленного на переход от компенсационной к превентивной парадигме, обеспечивающей экологическую безопасность. Однако для повышения его эффективности необходима дальнейшая работа по устранению системных противоречий и усилению стимулирующей функции права в области внедрения передовых технологий и профилактики аварийности.

Библиография

1. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Заключена в г. Базеле 22.03.1989) // Бюллетень международных договоров. - 1996. - N 7. - С. 3 - 33.
2. Венская конвенция об охране озонового слоя (Заключена в г. Вене 22.03.1985) // Действующее международное право. - Т. 3. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997. - С. 692 - 700.
3. Конвенция о биологическом разнообразии (Заключена в г. Рио-де-Жанейро 05.06.1992) // Бюллетень международных договоров. - 1996. - N 9. - С. 3 - 28.
4. Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 года (Конвенция об ответственности 1992 года) (ред. от 27.11.1992 (ред. 18.10.2000)) (Заключена в г. Брюсселе 29.11.1969) // Сборник

действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - Вып. XXXI. - М., 1977. - С. 97 - 106.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М.: Спарк, 2025. 77 с.

6. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 05.06.2006. - N 23. - ст. 2381.

7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 29.10.2001. - N 44. - ст. 4147.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - N 1 (ч. 1). - ст. 1.

9. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 11.12.2006. - N 50. - ст. 5278.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - N 25. - ст. 2954.

11. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. - 14.01.2002. - N 2. - ст. 133.

12. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. - 27.11.1995. - N 48. - ст. 4556.

13. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства РФ. - 20.03.1995. - N 12. - ст. 1024.

14. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об отходах производства и потребления» // Собрание законодательства РФ. - N 26. - 29.06.1998. - ст. 3009.

15. Федеральный закон от 13.07.2020 N 207-ФЗ «О внесении изменений в статью 46 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 20.07.2020. - N 29. - ст. 4517.

16. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 31.07.2025) «О недрах» // Собрание законодательства РФ. - 06.03.1995. - N 10. - ст. 823.

17. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 05.07.2021. - N 27 (часть II). - ст. 5351.

18. Постановление Правительства РФ от 31.05.2023 N 881 (ред. от 20.09.2025) «Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 05.06.2023. - N 23 (часть I). - ст. 4191.

19. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2451 (ред. от 11.12.2023) «Об утверждении Правил организации мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации, за исключением внутренних морских вод Российской Федерации и территориального моря Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 18.01.2021. - N 3. - ст. 583.

20. Постановление Правительства РФ от 30.12.2020 N 2366 (ред. от 14.12.2023) «Об организации предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 11.01.2021. - N 2 (часть I). - ст. 416.

21. Приказ Минприроды России от 08.07.2010 N 238 (ред. от 18.11.2021) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам

как объекту охраны окружающей среды» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - N 40. - 04.10.2010.

22. Закон Кировской области от 29.11.2006 N 55-ЗО (ред. от 29.05.2025) «Об охране окружающей среды на территории Кировской области» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. - N 1. - 20.02.2007.

23. Постановление Правительства Кировской области от 15.12.2023 N 666-П (ред. от 17.07.2025) «Об утверждении государственной программы Кировской области «Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. - N 4. - 27.12.2023.

24. В районе Коми ввели режим ЧС из-за разлива 100 куб. м нефти. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/634c719b9a794780483a78dc> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

25. Городников, О.А. Внедрение новых технологий для ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов / О.А. Городников // Безопасность жизнедеятельности. - 2024. - № 9 (285). - С. 34-39.

26. Кирилловых, А.А. Основные направления развития полномочий органов местного самоуправления в контексте реализации стратегии экологической безопасности / А.А. Кирилловых, И.Н. Сурманидзе // Право и общество. - 2020. - № 1 (1). - С. 27-29.

27. Литвинец, С.Г., Сравнительная оценка эффективности твёрдых и жидких диспергентов в условиях моделирования разливов нефти и нефтепродуктов / С.Г. Литвинец, Е.А. Мартинсон, С.М. Кузнецов, Е.О. Задорина, О.А. Новикова, В.Г. Комоско, А.В. Николаева, М.А. Трошин, М.Т. Гайсин // Теоретическая и прикладная экология. - 2022. - № 1. - С. 115-123.

28. Моргунов, Д.В. План предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов / Д.В. Моргунов // Экология производства. - 2024. - № 4 (237). - С. 46-55.

29. Разлив мазута в Керченском проливе: полная хронология катастрофы. – URL: https://dzen.ru/a/Z_N3MluQXHe1VQ2n (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

30. Расследование катастрофы, случившейся в мае 2020 года в Норильске. – URL: https://projects.fedpress.ru/crimson_rivers (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

31. Разлив нефти в Черном море может достигать 80 кв. километров. – URL: <https://ug.ru/razliv-nefti-v-chernom-more-mozhet-dostigat-80-kv-kilometrov/> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

32. Сотни литров топлива вылились в реку Ангара Красноярского края. СК возбудил дело. – URL: <https://vtomske.ru/news/178701-cotni-litrov-topлива-vylilis-v-reku-angaru-krasnoyarskogo-kraya-sk-vozbudil-delo> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

33. Филиппова, Е.В. Оптимизация учета ущерба от аварийного разлива нефти с помощью цифровых технологий / Е.В. Филиппова // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. - 2024. - № 5 (320). - С. 18-23.

34. Экологическая катастрофа на озере Соленом оказалась уникальной. – URL: <https://dzen.ru/a/XqZBX3ljsjoq8g3m> (дата обращения: 25.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

© Чеглакова В.Н., 2026

Кудрявцева Е.А.

студентка 2 курса магистратуры

Волго-Вятского института (филиала) Университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель: **Фадеева С.В.**

кандидат юридических наук

ПРОЦЕДУРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА

Аннотация: в работе рассматриваются процедуры, применяемые в деле о банкротстве гражданина. Банкротство гражданина направлено на урегулирование долговой ситуации при невозможности исполнения обязательств перед кредиторами. Основными процедурами являются реструктуризация долгов, реализация имущества гражданина и мировое соглашение. Каждая из них имеет свои цели, порядок применения и правовые последствия для должника и кредиторов. Изучение данных процедур позволяет понять механизм защиты прав участников дела о банкротстве и восстановления финансового положения гражданина.

Ключевые слова: банкротство гражданина; реструктуризация долгов; реализация имущества; мировое соглашение; кредиторы.

Annonation: the paper examines the procedures used in the bankruptcy case of a citizen. Bankruptcy of a citizen is aimed at resolving a debt situation when it is impossible to fulfill obligations to creditors. The main procedures are debt restructuring, the sale of a citizen's property and a settlement agreement. Each of them has its own goals, application procedure and legal consequences for the debtor and creditors. The study of these procedures makes it possible to understand the mechanism

for protecting the rights of participants in a bankruptcy case and restoring a citizen's financial situation.

Keywords: bankruptcy of a citizen; debt restructuring; sale of property; settlement agreement; creditors.

Банкротство гражданина представляет собой правовую процедуру, которая применяется в ситуации, когда человек не может исполнять свои денежные обязательства перед кредиторами. Такая ситуация может возникнуть по разным причинам: потеря работы, снижение дохода, болезнь, чрезмерная кредитная нагрузка или иные жизненные обстоятельства. Важно понимать, что банкротство гражданина не сводится только к списанию долгов. Это установленный законом порядок, в рамках которого оценивается финансовое положение должника, проверяются требования кредиторов и выбирается наиболее подходящий способ разрешения долговой проблемы [1].

Дело о банкротстве гражданина рассматривается арбитражным судом. Обратиться с заявлением может сам гражданин, кредитор или уполномоченный орган. После принятия заявления суд анализирует обстоятельства дела и вводит одну из процедур, предусмотренных законодательством. Для гражданина основными процедурами являются реструктуризация долгов, реализация имущества и мировое соглашение. Каждая из них имеет самостоятельное значение и применяется в зависимости от того, есть ли у должника доход, какое имущество ему принадлежит и возможно ли договориться с кредиторами [4].

Реструктуризация долгов гражданина применяется тогда, когда у должника есть шанс восстановить платежеспособность. Смысл этой процедуры заключается в том, чтобы не сразу переходить к продаже имущества, а попытаться составить план погашения задолженности. Такой план может предусматривать изменение сроков выплат, порядка расчетов и размера ежемесячных платежей. Он утверждается судом и становится обязательным для должника и кредиторов. Если гражданин выполняет план реструктуризации, он

постепенно погашает долги и избегает более жестких последствий, связанных с реализацией имущества [6].

Однако реструктуризация возможна не всегда. Для нее необходимо, чтобы у гражданина был стабильный доход, позволяющий хотя бы частично рассчитываться по обязательствам. Если доход отсутствует или его явно недостаточно, суд может перейти к следующей процедуре. На практике реструктуризация долгов применяется реже, чем реализация имущества, поскольку многие граждане обращаются в суд уже тогда, когда финансовое положение стало критическим. Тем не менее эта процедура важна, потому что она дает должнику возможность сохранить имущество и постепенно выйти из долговой ситуации [5].

Реализация имущества гражданина является более строгой процедурой. Она вводится, если восстановить платежеспособность невозможно или план реструктуризации не был утвержден либо исполнен. В ходе этой процедуры финансовый управляющий формирует конкурсную массу, то есть определяет имущество должника, которое может быть продано для расчетов с кредиторами. Затем имущество реализуется в установленном порядке, а полученные денежные средства распределяются между кредиторами с учетом очередности и размера их требований [7].

При этом закон защищает гражданина от полного лишения средств к существованию. Не все имущество может быть реализовано. Например, как правило, не подлежат взысканию вещи первой необходимости, отдельные предметы домашнего обихода и единственное пригодное для проживания жилье, если оно не находится в ипотеке. Такая защита необходима для того, чтобы процедура банкротства не превращалась в средство чрезмерного давления на должника. Ее цель состоит не в наказании гражданина, а в законном урегулировании долгов.

Значительную роль в деле о банкротстве играет финансовый управляющий. Он назначается судом и участвует во всех ключевых действиях по делу. Финансовый управляющий проверяет сведения о доходах и имуществе

гражданина, анализирует сделки должника, взаимодействует с кредиторами и готовит отчеты для суда. Его деятельность помогает обеспечить баланс интересов сторон. С одной стороны, кредиторы должны получить возможность удовлетворить свои требования. С другой стороны, права гражданина также должны соблюдаться.

Особое значение имеет проверка сделок должника. Если перед банкротством гражданин продал имущество по заниженной цене, подарил его родственникам или совершил иные подозрительные действия, такие сделки могут быть оспорены. Это нужно для предотвращения злоупотреблений. Должник не должен искусственно выводить имущество, чтобы избежать расчетов с кредиторами. В то же время каждая ситуация оценивается индивидуально, поскольку не всякая сделка перед банкротством является недобросовестной [9].

Еще одной процедурой, применяемой в деле о банкротстве гражданина, является мировое соглашение. Оно возможно на любой стадии рассмотрения дела, если должник и кредиторы смогли договориться. Мировое соглашение позволяет сторонам самостоятельно определить порядок погашения задолженности. Например, они могут согласовать отсрочку, рассрочку или частичное прощение долга. После утверждения мирового соглашения судом производство по делу прекращается, а стороны обязаны исполнять достигнутые договоренности [8].

Мировое соглашение удобно тем, что позволяет избежать длительного судебного процесса и дополнительных расходов. Но оно требует согласия сторон. Если кредиторы не готовы идти на уступки или должник не может предложить реальный порядок погашения долга, заключить такое соглашение сложно. Поэтому на практике оно применяется не во всех делах. Несмотря на это, мировое соглашение остается важным инструментом, потому что дает возможность завершить спор без полной реализации имущества и без дальнейшего развития процедуры банкротства.

Последствия банкротства для гражданина могут быть серьезными. После завершения процедуры реализации имущества оставшиеся долги могут быть списаны, если суд не установит недобросовестность должника. Однако банкротство влечет и определенные ограничения. Гражданин обязан сообщать о факте банкротства при обращении за кредитом в течение установленного срока. Кроме того, он может быть ограничен в праве занимать руководящие должности в некоторых организациях. Эти последствия показывают, что банкротство не является простой формальностью [3].

Таким образом, процедуры банкротства гражданина направлены на упорядоченное разрешение долговой ситуации. Реструктуризация долгов позволяет сохранить платежеспособность и рассчитаться с кредиторами по утвержденному плану. Реализация имущества применяется тогда, когда восстановить финансовое положение невозможно. Мировое соглашение дает сторонам шанс договориться и завершить дело на взаимоприемлемых условиях. Все эти процедуры связаны между собой и помогают найти баланс между интересами должника и кредиторов [2].

Банкротство гражданина имеет большое практическое значение. Оно позволяет человеку, оказавшемуся в тяжелом финансовом положении, получить законный механизм защиты и возможность начать новую экономическую жизнь. Одновременно эта процедура защищает интересы кредиторов, поскольку расчеты производятся под контролем суда и финансового управляющего. Поэтому банкротство следует рассматривать не как способ уклонения от обязательств, а как правовой инструмент урегулирования ситуации, когда обычное исполнение долгов стало невозможным.

Список литературы

1. Бабанов А. В. Процедуры банкротства как способ обеспечения погашения задолженности // 2025. Т. 15. № 6. С. 4365–4380.
2. Барановская И. Г. Правовое регулирование прекращения процедуры реализации имущества и перехода к процедуре реструктуризации долгов в рамках банкротства гражданина // Закон и право. 2024. № 11. С. 139–145.
3. Бородина Ж. В., Медведева Н. В. Мировое соглашение как реабилитационная процедура по сохранению единственного жилья в деле о банкротстве граждан // Жилищные стратегии. 2025. Т. 12. № 3. С. 443–456.
4. Джаксбаева О. В. Процедуры, применяемые в деле о банкротстве физических лиц // Поколение будущего: взгляд молодых ученых — 2022: сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции. Курск, 2022. Т. 2. С. 182–186.
5. Лазарева О. В. Процедура банкротства гражданина: правовые и нравственные аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3 (158). С. 37–41.
6. Немова А. В. Мировое соглашение как реабилитационная процедура по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан // Российский судья. 2023. № 4. С. 14–17.
7. Плюта Е. Ю. Упрощенная процедура банкротства физического лица (внесудебное банкротство) // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 8 (83). С. 267–272.
8. Попков Д. В. Внесудебное банкротство как долгожданное новшество // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 328–332.
9. Шлыкова М. Ю., Федоров А. Г. Особенности проведения процедуры потребительского банкротства гражданина: основные этапы реализации // Дневник науки. 2023. № 9. С. 1–8.

© Кудрявцева Е.А., 2026

Кудрявцева Е.А.

студентка 2 курса магистратуры

Волго-Вятского института (филиала) Университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель: **Фадеева С.В.**

кандидат юридических наук

УЧАСТНИКИ И ОСНОВАНИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА

Аннотация: в работе рассматриваются участники дела о банкротстве гражданина и правовые основания для его возбуждения. Особое внимание уделяется роли должника, кредиторов, финансового управляющего, арбитражного суда и уполномоченных органов. Анализируются условия, при которых гражданин может быть признан банкротом, включая наличие задолженности и невозможность исполнения денежных обязательств. Раскрываются особенности подачи заявления о банкротстве как самим гражданином, так и кредиторами или государственными органами. Сделан вывод о значении процедуры банкротства для защиты прав участников и восстановления баланса интересов должника и кредиторов.

Ключевые слова: банкротство гражданина, должник, кредиторы, финансовый управляющий, арбитражный суд

Annotation: the paper examines the participants in the bankruptcy case of a citizen and the legal grounds for its initiation. Special attention is paid to the role of the debtor, creditors, financial manager, arbitration court and authorized bodies. The conditions under which a citizen can be declared bankrupt are analyzed, including the presence of debt and the inability to fulfill monetary obligations. The specifics of filing a bankruptcy application are disclosed both by the citizen himself, as well as by

creditors or government agencies. It is concluded that the bankruptcy procedure is important for protecting the rights of participants and restoring the balance of interests of the debtor and creditors.

Keywords: bankruptcy of a citizen, debtor, creditors, financial manager, arbitration court

Банкротство гражданина является правовой процедурой, которая применяется в ситуации, когда человек не может исполнить свои денежные обязательства перед кредиторами. Такая процедура регулируется Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» и рассматривается арбитражным судом. Ее смысл состоит не только в признании гражданина банкротом, но и в установлении законного порядка расчетов с кредиторами, защите интересов должника и предотвращении произвольного взыскания долгов [1].

Дело о банкротстве гражданина не возникает само по себе. Для его начала необходимо заявление, поданное в арбитражный суд. Правом на обращение обладают сам гражданин, конкурсный кредитор и уполномоченный орган. К уполномоченным органам обычно относятся государственные органы, которые заявляют требования по обязательным платежам, например по налогам. Такой круг лиц прямо связан с тем, что банкротство затрагивает не только частные интересы должника и кредиторов, но и публичные интересы государства [3].

Главным участником дела является гражданин-должник. Именно его имущественное положение становится предметом судебной проверки. Должник вправе обратиться в суд, когда понимает, что не сможет исполнить свои обязательства в установленный срок. В некоторых случаях обращение становится для него обязанностью. Например, если удовлетворение требований одного кредитора приведет к невозможности рассчитаться с другими, гражданин должен действовать добросовестно и не скрывать свое финансовое состояние. Это важно, потому что процедура банкротства строится на раскрытии сведений о доходах, имуществе, сделках и обязательствах.

Вторую группу участников составляют кредиторы. Они заинтересованы в возврате долга и поэтому могут инициировать дело о банкротстве при наличии предусмотренных законом условий. Кредитор должен подтвердить свои требования, их размер и факт просрочки. Для суда важно не само наличие конфликта между сторонами, а наличие признаков неплатежеспособности. Если долг спорный или не подтвержден надлежащими документами, суд не может использовать процедуру банкротства как обычный способ давления на должника [5].

Особое место занимает финансовый управляющий. Он не является стороной спора в привычном смысле. Его задача состоит в том, чтобы сопровождать процедуру, анализировать финансовое состояние гражданина, выявлять имущество, проверять сделки и взаимодействовать с кредиторами. Финансовый управляющий действует под контролем суда и обязан соблюдать баланс интересов всех участников. От его работы во многом зависит, будет ли процедура проведена законно и объективно [2].

Арбитражный суд является центральным процессуальным участником. Он принимает заявление, проверяет его обоснованность, вводит соответствующую процедуру и рассматривает заявления участников дела. Суд не просто фиксирует наличие долга. Он оценивает, имеются ли признаки банкротства, соблюдены ли требования закона, представлены ли необходимые документы. Дела о банкротстве граждан рассматриваются арбитражным судом по месту жительства гражданина [11].

Основания возбуждения процедуры банкротства гражданина зависят от порядка ее проведения — судебного или внесудебного, а также от того, кто обращается с заявлением. Для судебного банкротства правило о задолженности не менее 500 тысяч рублей и просрочке более трех месяцев применяется прежде всего к заявлению конкурсного кредитора или уполномоченного органа о признании гражданина банкротом. При этом сам гражданин вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании себя банкротом в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно

свидетельствующих о невозможности исполнения денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей в установленный срок, если он отвечает признакам неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества. В этом случае размер неисполненных обязательств значения не имеет, что разъяснено в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45. Внесудебное банкротство через МФЦ возможно при общем размере денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей от 25 тысяч рублей до 1 миллиона рублей и при наличии предусмотренных законом оснований. Следовательно, размер задолженности сам по себе не является универсальным критерием для всех процедур банкротства гражданина [2].

Однако банкротство нельзя сводить только к цифрам. На практике значение имеет реальное финансовое положение гражданина. У человека могут быть долги, имущество, доходы, обязательства перед банками, налоговыми органами, другими кредиторами. Суд должен понимать, способен ли должник восстановить платежеспособность или его имущественного положения уже недостаточно для нормального исполнения обязательств. Поэтому при рассмотрении дела учитываются документы о доходах, составе имущества, банковских счетах, сделках и кредиторской задолженности [8].

Заявление самого гражданина отличается от заявления кредитора. Когда должник обращается в суд самостоятельно, он фактически признает наличие серьезных финансовых трудностей и просит применить к нему законную процедуру урегулирования долгов. Это может быть связано с потерей работы, снижением дохода, ростом обязательств, невозможностью обслуживать кредиты. Само по себе тяжелое материальное положение еще не означает автоматического признания банкротом. Суд проверяет обстоятельства дела и представленные доказательства [10].

Кредитор, обращаясь с заявлением, преследует иную цель. Он хочет добиться защиты своего нарушенного права и включения требования в процедуру банкротства. При этом закон не позволяет кредитору использовать

банкротство только как средство психологического давления. Требования должны быть подтверждены, а условия для возбуждения дела должны соответствовать закону. В отдельных случаях для подачи заявления требуется вступившее в силу судебное решение, подтверждающее задолженность [7].

Уполномоченный орган участвует в деле тогда, когда речь идет о задолженности по обязательным платежам. Например, это могут быть налоги, сборы или иные публичные обязательства. Его участие показывает, что банкротство гражданина имеет значение не только для частноправовых отношений. Государство также заинтересовано в том, чтобы долги взыскивались в законном порядке, а должник не уклонялся от исполнения обязанностей [4].

После возбуждения дела могут применяться разные процедуры. В отношении гражданина закон предусматривает реструктуризацию долгов, реализацию имущества и мировое соглашение. Реструктуризация направлена на восстановление платежеспособности, если у гражданина есть стабильный доход и возможность постепенно рассчитаться с кредиторами. Реализация имущества применяется тогда, когда восстановить платежеспособность невозможно. Мировое соглашение допускает договоренность между должником и кредиторами на согласованных условиях [6].

Важно учитывать и последствия возбуждения дела. С этого момента отношения между должником и кредиторами переходят в судебную плоскость. Отдельные требования подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве. Для гражданина это означает необходимость добросовестного поведения и раскрытия информации. Для кредиторов это означает участие в установленной законом процедуре, а не самостоятельное взыскание в обход других участников.

Таким образом, участниками дела о банкротстве гражданина являются должник, кредиторы, уполномоченные органы, финансовый управляющий и арбитражный суд. Каждый из них выполняет свою функцию. Основанием для возбуждения дела служит заявление управомоченного лица при наличии признаков неплатежеспособности и установленных законом условий.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «О несостоятельности (банкротстве)»
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 N 45 (ред. от 17.12.2024) "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан"
3. Абдуллаев К. А. Критерии банкротства физических лиц: проблемы теории и практики применения // Право и экономика. 2022. № 2. С. 26–33.
4. Алиев Н. Н. Банкротство физических лиц: проблемы судебно-арбитражной практики // Вестник науки. 2025. № 1 (82). С. 240–245.
5. Бородина Ж. В., Семёнов В. А. Механизмы государственного регулирования института банкротства граждан // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 12. С. 8271–8284.
6. Буз Д. С. К вопросу о банкротстве физических лиц // Ерopen. Global. 2024. № 52. С. 28–35.
7. Зубкова Е. С. Банкротство гражданина: пути реформирования и проблемы правоприменения // Инновационная наука. 2023. № 2-1. С. 64–67.
8. Кузнецов К. С. Банкротство физических лиц: аспекты процедуры банкротства // Интерактивная наука. 2023. № 2 (78). С. 110–112.
9. Лазарева О. В. Процедура банкротства гражданина: правовые и нравственные аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3 (158). С. 37–41.
10. Милов П. О. Банкротство физических лиц: проблемы реализации, трансформация и современная правоприменительная практика // Вестник Академии права и управления. 2023. № S4.1 (75). С. 28–32.
11. Панюшкина В. А. Актуальные проблемы правовой регламентации и практической реализации процедуры признания несостоятельности (банкротства) физических лиц // Цифровое право. 2025. № 3. С. 26–29.

12. Портнова Е. В. Проблемы привлечения к ответственности при проведении процедуры банкротства физических лиц // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2. С. 89–99.

© Кудрявцева Е.А., 2026

INTERNATIONAL
STANDARD
SERIAL
NUMBER

ISSN 2658-7998

№ 284-07/2019

2026